

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

3.5

5 номеров в год на 15 языках

40 лет после
путча

Мануэль Антонио Гарретон

Социология как
призвание

Элизабет Хелин,
Иммануил Валлерстайн

Глобальный
протест
продолжается

Бразилия – Рай Брага и
Рикардо Антунес
Египет – Асеф Байят и
Мохаммед Бамьех
Турция – Полат Алпман,
Зейнеп Байкаль и Незихе Эргин

Неравенство

Гай Стендинг,
Хулиана Франсони,
Диего Санчес-Анкочеа

- > Китай в Африке
- > Мореходы крупным планом
- > Остров массовых убийств
- > Барьеры диалога между странами Юга
- > Социология в Албании
- > Социология в беспокойные времена
- > Встреча перед Конгрессом в Японии
- > Команда Глобального диалога из Колумбии

БЮЛЛЕТЕНЬ

International
Sociological
Association

VOLUME 3 / ISSUE 5 / NOVEMBER 2013
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

GD

> От редактора

Сотрудничество Юга с Югом

Путешественники по Латинской Америке сразу отмечают ее многообразие. В этом выпуске Джулиана Франзони и Диего Санчес-Анчоча обсуждают захлестнувшую весь континент волну борьбы с неравенством. Однако даже в этом отношении мы видим глубокие различия между странами. Так, Чили и Уругвай находятся на разных концах политического спектра между либерализмом и социальной демократией. В сфере решения социальных проблем, Чили находится в глубоком средневековье, Уругвай занимает место в авангарде внедрения либерального законодательства о наркотических веществах, правах гомосексуалов и абортах. В Уругвае практически уничтожено коренное население, и потому в этой стране общество является намного более однородным в расовом и этническом плане, чем, например, в Перу. В то время как в Уругвае левые радикалы Тупамарос вошли в левую правительственную коалицию, в Перу и Колумбии похожие партизанские группы все еще участвуют во внепарламентской войне. Колумбия – это общество парадоксов. Несмотря на то, что эта страна может гордиться давно устоявшейся демократией, в ней царит неконтролируемое насилие, а Dejusticia, организация, состоящая из высокопрофессиональных юристов и социальных исследователей, опирается на либеральную конституцию страны для защиты от насилия ее коренного населения и представителей других сообществ.

Несмотря на различия, латиноамериканские социальные исследователи создали паттерны континентального сотрудничества. Так, чилийский социолог Мануэль Антонио Гарретон подчеркивает историческую важность академического и интеллектуального обмена между странами Латинской Америки, даже во времена диктатуры. Здесь диалог Юга с Югом – нечто большее, чем стремление создать социологию на Юге, о Юге и для Юга – это реальная коммуникация, хотя сама ее интенсивность может осложнить расширение диалога за пределы региона. Элиана Каймовиц описывает трудности, с которыми столкнулась Dejusticia при подготовке семинара для молодых правозащитников со всего Глобального Юга. Первая проблема – собрать участников в Колумбии. Основные транспортные пути пролегают через северные страны, из-за чего участникам, помимо непростого оформления колумбийской визы, пришлось бы позаботиться и о получении транзитных. Сравните: мне, как выходцу с Глобального Севера, в принципе не нужна виза для въезда в Колумбию. Более того, проведение семинара стало возможным только благодаря щедрому финансированию Фонда Форда. Довольно обычна ситуация, когда ресурсы Севера используются для развития науки на Юге, как например, в случае исследования Чинг Кван Ли о Китае в Африке, работы Хелен Сэмпсон, посвященные морякам-мигрантам и международному мореплаванию или же трудов Гая Стендинга о выплатах прожиточного минимума в Индии. Неудивительно и то, что элитные университеты Севера становятся магнитом для талантов Юга.

Два автора рубрики «Социология как призвание» - Элизабет Хелин и Иммануил Валлерстайн – посвящают свои работы продвижению диалога Юга с Югом и Юга с Севером. Социологи Севера ни в коем случае не однородны: они различаются по степени чувствительности к глобальному неравенству. Аналогичным образом не однородны и социологи на Юге: в то время как меньшинству удастся выйти за пределы границ своих государств, большинство остается «замуровано» в рамках локального. Когда глобальное неравенство затрудняет сотрудничество южных стран, другие ресурсы (не в последнюю очередь социальные сети в Интернете) становятся важным инструментом налаживания связей между общественными движениями. Так в этом номере «Глобального диалога» данная проблема рассматривается на примере Бразилии, Египта и Турции.

> **Глобальный диалог** выходит на 15 языках и доступен на нашем сайте ([ISA website](http://isa-berkeley.org))

Хотите опубликовать статью? Присылайте тексты на электронный адрес burawoy@berkeley.edu

Мануэль Антонио Гарретон, ведущий специалист по Латинской Америке, обсуждает судьбу чилийской социологии при диктатуре и ошибочную политическую программу правительства Альенде 40 лет назад.

Элизабет Хелин, выдающийся аргентинский социолог, оглядывается на свою карьеру, в которой соединилась локальная и глобальная борьба за социальную справедливость и равенство.

Иммануил Валлерстайн, Президент МСА (1994-98), первый лауреат награды МСА За выдающиеся успехи в исследованиях и практической работе, описывает как новаторский мир-системный анализ привел его к пересмотру представлений о дисциплинарных границах.

> Редакционный совет

Редактор: Майкл Буравой.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Айс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен.

Редакторы-консультанты:

Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Чиндоглу, Том Дуайер, Жан Фриц, Сари Ханафи, Хайме Химинес, Хабибул Хондкер, Саймон Мападименг, Ишвар Моды, Никита Покровский, Эмма Порито, Йошимичи Сато, Винета Синха, Бенхамин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Селия Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суза.

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадудья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Моды, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удэй Сингх, Джуоти Сидана.

Иран:

Рейханех Джавади, Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери, Фаззех Хажезадех, Насторан Махмазаде, Зохран Со-рушфар.

Япония:

Казухиса Нишихара, Мари Шибя, Коусуке Химено, Томохиро Такама, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато, Юко Хотта, Юсуке Косака, Ютака Маеда, Шухей Нака, Кивако Касе, Миса Омори.

Польша:

Миколай Миержевски, Каролина Николаевска, Кишиштоф Губаньски, Адам Мюллер, Патриция Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Джулиа Легат, Камил Липинский, Кинга Якиела, Конрад Семашко, Зофия Влодарчик.

Румыния:

Косима Ругинис, Иляна Чинзьяна Сурду, Моника Александру, Балаж Телегди, Адриана Бондор, Рамона Кандараджу, Мириам Чиходариу, Каталина Петре, Мадалин Рапан, Моника Надраг, Лучан Ротарью, Алина Стан, Мара Стан, Кристиан Константин Вереш, Елена Тюдор.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Айтюль Касапоглу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонка Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер.

Украина:

Свитлана Хутка, Ольга Кузовкина, Анастасия Денисенко, Мария Домашенко, Ирина Клевцова, Лидия Куземска, Анастасия Липинска, Мирослава Романчук, Ксения Швец, Людмила Смоляр, Орына Стеценко, Полина Стохнушко.

Медиа-консультанты: Густаво Танигути, Хозе Регейра.

Консультант редактора: Абигайл Эндрюз.

> В этом номере

От редактора: Диалог Юга с Югом **2**

Сорок лет после путча

Интервью с Мануэлем Антонио Гарреттоном, Чили **4**

Социология как призвание : против всех фидов неравенства

Элизабет Хелин, Аргентина **8**

Социология как призвание: социальный ученый- историк

Иммануил Валлерстайн, США **10**

> ПРОТЕСТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

БРАЗИЛИЯ

Июньские дни

Рай Брага и Рикардо Антунес, Бразилия **12**

ЕГИПЕТ

Границы “Рефо-люции”

Асеф Байят, США **14**

Улица против государства

Мохаммед Бамьех, США **17**

ТУРЦИЯ

От оскорбления к возмущению

Полат Алпман, Турция **19**

Искусство сопротивления

Зейнеп Байкаль и Незихе Эргин, Турция **21**

> НЕРАВЕНСТВО

Великий Индийский эксперимент

Гай Стендинг, ВБ **24**

Снижение уровня неравенства в Латинской Америке

Хулиана Мартинес Франсони, Коста-Рика и Диего Санчес-Анкочеа, ВБ **27**

> ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Китай в Африке

Чинг Кван Ли, Замбия **29**

Под натиском волн

Хелен Сэмпсон, ВБ **31**

Пуэрто-Рико: Остров массовой резни?

Джордж Дживанетти, Пуэрто-Рико **33**

> НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИИ И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ

Реальные барьеры диалога Юга с Югом

Элиана Каймовиц, Колумбия **35**

Развитие социологии в Албании

Леке Соколи, Албания **37**

Социология в период Sociology in Times of Turmoil

Айсе Идиль Айбарс, Турция **39**

Молодые и маститые социологи встречаются в Иокогаме

Мари Шибя, Киоко Томинага, Кейсукэ Мори и Нори Фукуи, Япония **41**

Испаноязычная команда в Колумбии

Мария Хозе Ривадудья, Себастьян Сантамария, Аерес Араухо и Катерина Гайтан Сантамария, Колумбия **43**

> Сорок лет после ЧИЛИЙСКОГО ПУТЧА

Интервью с Мануэлем Антонио Гарретоном

Часть I: Социология при диктатуре

Мануэль Антонио Гарретон.

Мануэль Антонио Гарретон – один из самых известных социальных исследователей Латинской Америки. Он закончил Католический университет Чили и защитил кандидатскую диссертацию в Высшей школе социальных наук в Париже. Он руководил несколькими академическими институтами, преподавал в университетах в Чили и за границей, консультировал правительственные и международные, государственные и частные организации и агентства. Наверное, почти нет тем, которыми он не занимался – рассматривая множество вопросов через политическую или теоретическую линзу. Он автор многих книг об авторитарных режимах, общественных движениях и политике перехода, а также о состоянии социальных наук в Латинской Америке. Он является профессором социологии Университета Чили, недавно заведовал кафедрой латиноамериканских исследований в Кембриджском университете, имеет звание почетного профессора имени Симона Боливара. С 1998 по 2000 год Гарретон был председателем Исследовательского комитета МСА по изучению социальных классов и общественных движений (ИК 47). В 2007 году был награжден Национальной Премией Чили в области социальных и гуманитарных наук. Интервью состоялось 27 июля 2013 в Сантьяго.

МБ: Мануэль Антонио, за последние 50 лет Вы были свидетелем лучших и худших моментов мировой истории и истории Чили. Сначала Вы были президентом Студенческой федерации в Католическом университете Сантьяго, затем, в 1967 году, учились в Париже под руководством Алена Турена. Там Вы оказались в эпицентре потрясений 1968 года. В 70м вернулись в Чили, где развивалось активное общественное движение, благодаря которому к власти пришел Сальвадор Альенде. Но сейчас меня скорее интересует, что происходило в социологии в течение сорока лет с момента переворота. Расскажите, пожалуйста, что Вы делали в 1973 году?

>>

МАГ: После возвращения из Франции я стал директором Центра Междисциплинарных Социальных Исследований. Это был марксистский центр на базе Католического университета. В нем работали ведущие социальные исследователи. Когда произошел переворот, меня исключили из университета, а мой центр закрыли. Мне было 30 лет, и я стоял перед выбором – бежать из страны или остаться. Я был вовлечен в университетскую политику, всегда был связан с государственной политикой, и потому остался.

МБ: Но как Вам удалось выжить при диктатуре как интеллектуалу-критику, как социологу?

МАГ: Военные захватили университеты и изгнали левых, которые в некоторых университетах составляли большинство, а в других, как например, в Католическом университете, – меньшинство, однако очень значительное меньшинство, заметное благодаря своей интеллектуальной работе и влиянию среди студенчества. Оставшиеся попытались собраться вновь под эгидой какого-либо уже существующего института – или создать новые. То же самое происходило в остальной Латинской Америке там, где установились военные режимы. Один из таких примеров – СЕВРАП, центр в Сан Пауло, созданный Фернандо Энрике Кардосо и его коллегами. У нас не получилось создать ничего нового, и потому объединились под эгидой FLASCO, Латиноамериканского факультета социальных наук, который до переворота был институтом постдипломного социологического и политологического образования. Наш факультет поддерживался важными внешними фондами, такими как Фонд Форда, Фонд Фридриха Эберта, фонды Швеции, и даже Британское правительство Гарольда Уилсона. Затем, когда военные лишили эти международные организации дипломатического иммунитета, мы нашли защиту со стороны церкви и Академии Христианского Гуманизма, после падения диктатуры ставшей университетом. Но в 80е гг. появились новые центры – консалтинговые компании и корпорации – предлагавшие защиту социальным исследователям.

МБ: Чем вам удавалось заниматься в таких организациях, например, во FLASCO?

МАГ: Необходимо помнить, что Чили был одним из центров сосредоточения международных организаций в Латинской Америке. После переворота поток студентов прекратился – и FLASCO почти опустел, но те, кто остались, вместе с новичками вроде меня посвятили себя исследованиям. В начале люди просто приходили к нам, чтобы учиться в неформальной обстановке, а в некоторых случаях – и это особо интересно – некоторые преподаватели, оставшиеся в университетах, направляли к нам своих студентов. Мы читали множество курсов (особенно позднее, при помощи Академии христианского гуманизма), у

которых даже не было названия, и результаты которых не шли в аттестаты. Студентам хотелось знать, что происходит в стране и в Латинской Америке, и как раз это мы исследовали. Так что это было что-то вроде открытого неформального свободного университета – или, если позволите, контр-университета. Преподавание, однако, занимало лишь небольшую часть нашего времени. Основной задачей было проведение исследований, проведение множества семинаров, дебатов. Тут были и поездки за рубеж, и приглашение новых людей. Это была форма публичной социологии в авторитарном контексте!

МБ: Как получилось, что, несмотря на диктатуру, Вы обладали такой высокой степенью свободы?

МАГ: Вы должны понимать, что военные действительно пытались захватить все, что можно. Например, в совет FLASCO (поскольку это было межправительственное агентство), они назначили военного генерала. Затем его повысили до звания советника и даже назначили ректором Университета Чили. Хотя они и пытались контролировать и академические организации, и католическую церковь, это было сложно. Они пытались разорвать наши отношения с общественными движениями, и после двух-трех первых лет сильнейшего давления, продолжали подвергать цензуре наши издания, результаты наших опросов. Но когда они начали внедрять новый экономический неолиберальный порядок, им стали крайне необходимы результаты рыночных исследований, и нам вновь разрешили проводить опросы. Они пытались контролировать содержание вопросов, которые мы задавали, но делали это примитивным и непродуктивным образом.

МБ: С какими препятствиями вы сталкивались при сборе данных?

МАГ: Это хороший вопрос. Надо сказать, что диктатура - военный режим - манипулировала данными в такой мере, что мы в принципе не могли им доверять. Нам нужно было добывать свои собственные данные. Например, экономический институт СЕPLAN, возглавляемый Александром Фоксли (впоследствии министр финансов демократического правительства), был вынужден вести двойную бухгалтерию. Другим институтам приходилось самим высчитывать ценные индексы, потому что данные правительства были сильно искажены.

МБ: Вы рассказали о ситуации с данными, а что насчет теории? На тот момент, что Вы думали о диктатуре и ее будущем?

МАГ: В Латинской Америке 60х годов поднялась волна новой социальной науки, основанной на марксизме. Эта волна захлестнула университеты и пришла на смену теории модернизации. Но реальность, по

>>>

рожденная диктатурой, была чем-то принципиально новым. Мы занялись поисками новых рамок. И я бы сказал, что в тот момент, перспектива Грамши оказалась очень полезной в том, что указывала на новые исследовательские направления. Она открыла нам окно в новые миры, а также позволила открыть дверь, ведущую за пределы ортодоксального марксизма. Более того, это был важный момент развития политологии, которая только начинала свое существование, поскольку в этой сфере наукой наук считалась социология. Социология плохо справляется с изучением политических режимов. Она хороша для изучения социальных условий режимов или социальных акторов, противостоящих режимам, но не для изучения того, как режим функционирует. Так социологи стали политологами ("politólogos," как мы называли себя).

МБ: Вы описываете все так, как будто Вы могли делать все, что заблагорассудится. Я полагаю, об этом Вы тоже писали?

МАГ: О, мы очень много писали и публиковались в Чили. В 1980-х FLASCO основало книжную серию, в которой была издана моя книга «Чилийский политический процесс» («El proceso político chileno»). Я дал Вам ее английское издание, The Chilean Political Process. У нас были и свои журналы, хотя некоторые из них попали под запрет. В конце концов, политологический анализ показывает, что это были авторитарные режимы в смысле Хуана Линца, а не фашистские тоталитарные режимы, контролирующие частную жизнь граждан. Конечно, некоторые испытали на себе контроль и вмешательство в приватность. Но у власти не получалось полностью контролировать ученых, оставалось ограничивать их участие в публичной жизни. Например, нас никогда не приглашали на телевидение. Зато мы могли рассказать о своих исследованиях по радио. У нас были колонки в журналах. Мы снабжали интеллектуальным материалом оппозицию, частично потому, что наша исследовательская работа была связана с человеческим опытом. Мы могли делать выводы на основании опыта людей, переживших диктатуру в других странах, например, опыта транзита после диктатуры в Испании (1976). Таким образом, мы показывали, какую форму может принимать противостояние режиму. За консультациями к нам обращались и студенческие организации.

МБ: Удавалось ли Вам печатать критические статьи в начале диктатуры?

МАГ: Да, даже тогда. Например, через несколько месяцев после переворота я втайне организовал написание отчета Международного трибунала по расследованию военных преступлений (Russell Tribunal Report) вместе моими коллегами, изгнанными из

университета. Это было частью более широкой международной кампании по осуждению преступлений против человечности в Латинской Америке в целом, но особенно в Чили, потому что свержение Альенде приковало к себе внимание всего мира. В то время не было компьютеров, и нам приходилось размножать текст под копирку!

При таком режиме оставались пространства, некоторые из которых находились под защитой церкви, другие – международных организаций, третьи – вообще не нуждались в защите, потому что военным было не до них. По-моему, нам помогло и то, что христианские демократы прошли путь от поддержки переворота до его полного неприятия и в определенный момент начали оказывать помощь левым интеллектуалам. Ситуация была такова, что подавление интеллектуалов неизбежно повлекло бы за собой репрессии в отношении христианских демократов, которых поддерживало от 50 до 70 процентов населения.

МБ: Так что же случилось с идеями социализма во время диктатуры?

МАГ: Многие из нас были крайне активны в том, что называлось «социалистической реновацией», то есть в переосмыслении взаимоотношений социализма и демократии, некой формы еврокоммунизма. Обращаясь к чилийскому опыту 1970-1973 гг., но, не давая риторике обмануть себя (потому что риторика была крайне марксистской) – мы задавались вопросом «В чем состоял проект Альенде?». Это не была социальная демократия, потому что социальная демократия не пытается трансформировать капитализм. В этом смысле, в то время – для нас – наименование «социальный демократ» было оскорблением. Только позже это стало высокой похвалой! Это была попытка создать социализм с демократией при отсутствии какого-либо исторического прецедента или теоретической рамки. Не случалось еще в истории такого, чтобы марксисты пришли к власти через демократические выборы или открыто пытались бы в правительстве осуществить переход к социализму.

МБ: Тогда что означало поражение Альенде?

МАГ: Опять же, здесь важна специфика латиноамериканских левых. Здесь были классические ленинские партии, которые потерпели поражение, если говорить на языке военных терминов. Конечно, они были правы, действительно имело место военное поражение левых, но дело не только в этом. Это был провал целого проекта, результат неспособности разрешить проблему, над которой работали Альенде и «Народное единство». Они пытались сделать две вещи: сохранять демократию и строить социализм. Но в какой рамке? В ленинской! Но это невозможно – в таком случае предполагается двойная власть, а народная власть уже частично установилась в государстве,

>>

благодаря Альянде.

МБ: Понятно. Значит, Вы хотите сказать, что ленинская теория не соответствовала демократическому социалистическому проекту?

МАГ: Да, ленинский дискурс не подходил для этого проекта, он отпугнул средние классы и другие группы, что имело необратимые, фатальные последствия. Далее, если вы хотите совершить революцию, провести радикальные изменения социально-экономической и политической модели за короткий срок, то, как утверждает ленинская теория, необходимо следовать революционному методу, необходимо создать группу захвата государственной власти, которая создаст новые институты и новый общественный порядок, что само по себе подразумевает использование насилия и оружия.

МБ: Хорошо. Тогда что представляет собой теория демократического социалистического проекта? Чем заменяются насилие и оружие?

МАГ: Социально-политическим большинством. Если у вас есть политическое большинство – социальное и политическое большинство – Вы побеждаете демократическим путем. Вы изолируете силы, стремящиеся разрушить социалистические институты и восстановить капиталистическую систему. Создание политического большинства происходит абсолютно по-разному в разных странах. Аргентинцу я бы посоветовал в таком случае взять под контроль перонистскую партию. Станьте лидером перонистской партии – и вот вы в большинстве. В Чили, если говорить коротко, общество создавалось, начиная с 1930х годов, на основании тесных отношений между партиями и общественными движениями. Так, например студенческое движение представляло собой федерацию, члены которой принадлежали к разным партиям. Студенческая политика была чем-то вроде молодежного крыла партии. Это подразумевает не манипуляцию, а скорее форму наслоения, переплетения, означавшего, что студенческое движение никогда не было отдельным от государственной политики. В более общем смысле, отсутствовали, строго говоря, социальные классы, но каждый экономический класс имел партийное представительство.

МБ: В таком случае как создается политическое большинство?

МАГ: Как набрать большинство? Через партийную коалицию. Как набрать большинство в стране, разделенной на три основные политические силы, каждая из которых состоит из нескольких партий? К правым относились Либеральная и Консервативная партии, затем в 60х годах - Национальная партия. Центристы были представлены радикальной партией в 30е и 40е годы, затем на смену им пришла «Христианская демократия». Среди левых мы видим коммунистов и социалистов, а в 60е еще и ряд мелких партий, отошедших от центристов. Пока у левых нет полити-

ческого большинства; для трансформации всего общества им необходимо вступать в альянс с партиями с других полюсов, скорее с центристами, чем с правыми. В парламентских выборах 1973 года Альянде, то есть «Народное единство», набрали 44 %, но в демократической системе эта доля не составляет большинство.

МБ: Но вступление в коалицию с центристами предполагает отказ от проекта трансформации.

МАГ: Безусловно. В этом-то и проблема. Но что бы сказал Ваш друг Грамши? Вы идете на компромисс, чтобы убедить вашего союзника с помощью мобилизации и с опорой на социальные силы, не применяя оружие. Это политика. И вот в чем заключался главный урок 1973 года. Если вас интересует крупномасштабная трансформация общества в демократических рамках, а также укрепление этой демократической рамки, вам необходимо политическое большинство. Электоральное большинство, то есть те, кто отдал больше голосов за Вас, чем за других, не является достаточным. Вам необходимо социально-политическое большинство, когда вы набираете более 50% голосов. В одной из своих известных речей Берлингуэр (секретарь итальянской компартии с 1972 по 1984 гг.) сказал: «Мы выиграем следующие выборы в Италии, но мы не приступим к исполнению обязанностей, если христианские демократы не присоединятся к нам в правительстве». Чтобы проводить крупные изменения, необходимо большинство, поддержка которого позволяет изолировать консервативные, реакционные, военные силы.

В общем, после переворота мы работали над тем, что мы называли социалистической реновацией. Наша задача состояла в разработке новой теоретической рамки, решающей вопрос взаимоотношений между демократией и социализмом. Это включало в себя и обсуждение отмеченной Вами дилеммы, но обсуждение в основном фокусировалось на оправдании вступления в коалицию с христианскими демократами в целях борьбы с диктатурой. Начиная с 1980х, коммунистическая партия выступала против такой стратегии.

МБ: В следующий раз мы обсудим последствия такой «мажоритарной» стратегии свержения диктатуры, а также границы, установленные ею для последовавшего за этим режима. А сейчас мне хотелось бы поблагодарить Мануэля Антонио за такой великолепный рассказ о жизни и теоретическом развитии в условиях диктатуры. ■

> Против всех видов неравенства

Элизабет Хелин, Институт экономического и социального развития (IDES), Аргентина, член Исполкома МСА, 1986-1990

Элизабет Хелин – аргентинский социолог, широко известная исследованиями в таких областях, как права человека, память о политических репрессиях, гражданство, общественные движения, гендер и семья. Среди написанных ею книг – «Работа памяти» (Los trabajos de la memoria 2002, второе издание в 2012 г.), «Фотография и идентичность» (Fotografia e identidad, 2010), «Женщины и социальные изменения в Латинской Америке (1990). Она была приглашенным преподавателем во многих университетах, была членом многих международных академических советов, в том числе Исследовательского совета по социальным наукам (SSRCI), Исследовательского института ООН по социальному развитию (United Nations Research Institute for Social Development), Института исследования труда Международной организации труда (ILS,ILO), а также Международной социологической ассоциации. В настоящее время является членом совета Берлинского колледжа по социальным наукам, членом академического совета и старшим научным сотрудником Национального совета Аргентины по научным и техническим исследованиям (CONICET) и Института экономического и социального развития (IDES) в Буэнос-Айресе. Она преподает в аспирантуре по социальным наукам Национального университета им. Генерала Сармьенто. В 2013 году она получила высшую награду за научные достижения в Аргентине, национальную премию Бернардо Хуссия за исследовательскую карьеру в области социальных наук.

Элизабет Хелин.

Мне было только 16 лет, когда пришло время выбирать университет и профессиональную карьеру. Волна модернизации в Университете Буэнос-Айреса была в самом разгаре, и я поступила на только что открытую кафедру социологии на факультете философии и гуманитарных наук. Это был подростковый прыжок в неизвестность. Никто вокруг меня не знал, что такое социология. Однако социология (или, скорее, широкая, не ограниченная единственной дисциплиной, сфера социальных наук) скоро стала частью меня, и осталась ею в течение всей моей жизни. Это был особый исторический момент: споры и политические дебаты о необходимости (или отсутствии необходимости) предоставления частного образования в Аргентине были крайне острыми; они в буквальном смысле перенеслись на улицы города. Я была среди тех, кто выходил на демонстрации с требованием бесплатного, всеобщего светского образования. С того момента моя частная жизнь, мои академические интересы и моя гражданская и политическая активность прочно интегрировались в мою личность. Их невозможно разделить, да я впрочем, и не хочу этого.

Проработав некоторое время младшим научным сотрудником, исследователем и преподавателем

>>

в Буэнос-Айресе и в Мексике, я поступила в аспирантуру в США. Я приехала в Нью-Йорк в конце 60-х: май 1968го, открытый прием в Городской университет Нью-Йорка, протесты против вторжения США в Камбоджу (в которых я участвовала на большом сроке беременности), а также подъем новой волны феминизма подтвердили, что моя личная и семейная жизнь, мои политические воззрения абсолютно и неотделимо интегрированы в мои академические планы.

Социальное неравенство, а также борьба за равенство и справедливость остаются в центре моего внимания. Конкретные темы и интересы менялись в зависимости от актуальных трендов и вопросов определенного периода, а также под влиянием масштабных тенденций, преобладавших в обществе: в 70е гг. мои исследовательские интересы касались мигрантов в латиноамериканских городах, женщин в густонаселенных городских районах, вопросов гендерного неравенства на рынке труда, рабочего движения и рабочих протестов. В 80-е годы я писала о новых общественных движениях и борьбе за гражданство и права человека в процессе политического транзита в Латинской Америке. В последнее время я фокусируюсь на изучении борьбы за память о политическом насилии и репрессиях, а также в широком плане на последствиях борьбы за социальные, экономические и культурные права.

Меня интересуют люди, я изучаю их повседневные практики в диапазоне от более интимного, личного опыта до коллективного и публично-политического уровня. Именно отсюда происходит мой непрерывающийся интерес к проблематике семьи и логистике заботы. Я изучаю значение и чувства, вкладываемые в действия, а также их институциональные и структурные рамки. Мне нравится выходить за пределы того, что могут сказать слова, и потому я инкорпорирую визуальные языки (особенно фотографию) в изучение практик. Один из лейтмотивов моей работы, - интерес к социальным феноменам с точки зрения множества темпоральностей и процессов, воплощенных в них. Ключ к пониманию социального мира и к составлению представления о будущих путях развития, на мой взгляд, состоит в том, чтобы соединить историю и биографию, ритмы и темп изменений, краткие моменты и длительные периоды.

Одно из моих любимых занятий – наблюдать за тем, как люди развивают свои способности к рефлексии, открывают свои умы и сердца ранее неизвестным им мыслям и опыту. Для меня нет лучшего комплимента, чем услышать, как о моей работе говорят: «Это заставило меня задуматься». Обучение студентов подразумевает постоянную заботу о том, как у них идут дела, как они, юные ученые, становятся исследователями. В течение десятков лет я посвящала значительную часть своего времени и сил отслеживанию этапов развития молодых исследователей.

В основе всего лежит интеллектуальное любопытство и жизненный опыт. Затем следует процесс совершения открытий, обучения тому, как формулировать собственные вопросы, поиск оригинальных ответов, осознание того факта, что ты «стоишь на плечах» предыдущих поколений ученых. Применять стандартные формулы не получится. Нелегко взрастить интеллектуальное воображение без внушения определенных взглядов и использования власти, присущей тем, кто обладает ею по старшинству. Моими главными инструментами были: разрушение индивидуализма и изоляции, поощрение горизонтального диалога и сотрудничества. Я использовала их в процессе координации программы тренингов для молодых исследователей, заинтересованных темой «Память о репрессиях», работая с коллегами из шести латиноамериканских стран. Это моя главная обязанность как преподавателя в аспирантуре по социальным наукам (управляемой совместно Национальным университетом города Сармьенто и Институтом экономического и социального развития в Буэнос-Айресе)

Я много и неутомимо путешествовала, жила, преподавала и проводила исследования во многих странах, в Южной и Северной Америке, в Европе и в других местах. Сейчас я живу и работаю в Буэнос-Айресе, где у меня есть возможность постоянно контактировать с людьми со всего мира, обогащая этим свой опыт международного общения. Мои планы однозначны – показать коллегам в центрах академической власти на доминирующем Западе, что у периферии тоже есть, что предложить для развития знания и демократизации его потоков. Непростая задача, противоречащая современному геополитическому положению, состоит в том, чтобы развить действительно космополитичный взгляд, открытый тому, что происходит в самых разных уголках мира, то есть за пределами тех мест, в которых находимся мы сами. В действительности же научный космополитизм зародился и возмужал на периферии, поскольку именно ученым периферии было необходимо знать, какое знание производится в центре. Им приходится адаптировать знание из «центра» к своему академическому местонахождению. Ученые из «центра», напротив, считают то, что они производят, ipso facto универсальным, общим и даже теоретическим. В долгосрочной перспективе эти взаимоотношения – слишком часто укорененные в институтах и рейтингах – приносят крайне негативные последствия. Важное, значительное знание, необходимое для развития наших дисциплин, теряется. Эта ситуация не соответствует нашим ценностям и противоречит нашему стремлению к более справедливому миру. Необходимо продолжить активную работу над устранением такого дисбаланса и неравенства! ■

> Социальный ученый - историк

Иммануил Валлерстайн, Йельский университет, США, Президент МСА, 1994-1998

Иммануил Валлерстайн.

Вклад Иммануила Валлерстайна в социальную науку отмечен выпуском получавших награды книг и статей в течение полувека, начиная с исследования колониализма и движения национального освобождения в Африке 1960х. В дальнейшем он занялся детальным историческим описанием возникновения и динамики развития «современной мир-системы». В 70е годы разработанная им теория «современной мир-системы» вдохнула новую жизнь в сравнительные социологические исследования. Его исследовательская программа создала пространство, доброжелательное по отношению к социальным исследованиям Латинской Америки, Африки и Азии, и в то же время он сотрудничал с учеными из других дисциплин с целью переосмысления значения социальных наук. Неустанно путешествуя, он работал во множестве организаций, в том числе был президентом Международной социологической ассоциации. В этот период он привлекал в МСА социологов всего мира, особенно представителей Глобального Юга. Его вклад был недавно отмечен МСА – он стал первым, кто получил Награду за особые заслуги в исследовательской и практической деятельности.

Я не уверен, что социология – это мое призвание. Когда я учился в бакалавриате, я, можно сказать, блуждал по всем социальным наукам. Потом я решил пойти в магистратуру по социологии, потому что, как мне казалось, социология как организационная структура сковывала бы меня в меньшей степени, чем все остальные «дисциплины», которые я мог бы изучать. Оглядываясь на свою жизнь, я полагаю, что я все-таки оказался прав.

Я поступил в Колумбийский университет, который на тот момент – в 1950е - считал себя (в какой-то степени небезосновательно) главным центром мировой социологии. Однако я значительно отличался от среднестатистического студента Колумбии: я не писал диссертацию ни с Мертоном, ни с Лазарсфельдом, и меня – единственного на всей кафедре – интересовала Африка. Пол Лазарсфельд сказал мне, что я

>>

вообще был единственным магистрантом, слышавшим о Великой Французской Революции. Конечно, это было преувеличением, но оно предсказало, в каком русле потечет моя дальнейшая жизнь. К счастью, власти оказались благосклонны к моим довольно эзотерическим качествам и относились ко мне с терпением.

В 1958 году я стал работать младшим преподавателем в Колумбийском университете. К 1963 году в университет поступила первая волна магистрантов, успевших поработать добровольцами в Корпусе мира – то есть побывавших в тех местах, которые мы в то время называли третьим миром, и которых, очевидно, интересовала политика и экономика мира за пределами США. Курсы, которые я преподавал (один и вместе с Терри Хопкинсом) пользовались популярностью среди этих студентов (и студентов с других кафедр социальных наук).

Затем пришел университетский переворот 68 года. Студенты-социологи были на передовых, и молодые преподаватели тоже были глубоко вовлечены в протест. Мировая революция 68 года изменила не только политику участников, но и их эпистемологический взгляд. Я писал об этом в статье «Культура социологии в смутении: влияние 1968 года на американских социологов». В 1970 – 1971 я написал том 1 сборника «Современная мир-система». К тому моменту ярлык «социолог» уже казался мне несколько неточным применительно к своему самовосприятию. Я начал осознавать себя как «социального ученого-историка».

Вопрос самоописания стал все чаще вставать передо мной как серьезная проблема, по двум причинам. Во-первых, это касалось представления других обо мне, особенно за пределами США. В Европе, особенно во Франции, где я провел много времени, другие ученые, писавшие о моих взглядах на ту или иную проблему, говорили обо мне по-разному: как об историке, экономическом историке, экономисте, или как о какой-либо комбинации вышеперечисленного, как о социологе.

Но еще большая проблема касалась США. Как многие социологи, я подавал заявки на финансирование проектов в различные фонды. Я столкнулся с не совсем обычной проблемой, когда подавал заявку в Национальный научный фонд. Даже несмотря на поддержку координатора программы, отзывы на мои заявки были подчас диаметрально противоположны: два восторженных против двух крайне негативных. Мы поняли, что это отражало серьезный эпистемологический разрыв в понимании, что такое «хорошая» наука. Тогда я занялся изучением истоков и параметров того, что я начал называть «структурами знания».

Эта работа привела меня, как мне кажется, к более четкому взгляду на дисциплины (и, таким образом, на «призвание») в рамках которых мы работаем – их историю, их валидность, их будущее. Я полагаю, что мы называем дисциплинами три разные вещи. Во-первых,

они представляют интеллектуальные права на автономную определенную категорию, описывающих определенные социальные феномены с относительно четкими границами. Таким образом, исследования попадают либо в пространство внутри границ, либо за их пределы. Во-вторых, дисциплины представляют собой организационные структуры, претендующие на обладание определенной сферой влияния и действуют в соответствии со своей претензией на обладание эксклюзивными или основными правами на эту сферу в организациях в рамках университетов, журналов, государственных и международных организаций. В-третьих, они представляют собой культуру общих референций, стилей работы, фигур героев, которых организации заставляют уважать и признавать.

В отчете Комиссии Гюльбенкяна, работу которой я координировал, мы отстаивали точку зрения, что три значения дисциплины были совместимы между собой в период с 1870 по 1950 гг., но что после этого по ряду причин возникли серьезные нестыковки. В результате сложилась нынешняя ситуация, когда ранее озвученные интеллектуальные претензии на счет границ дисциплин горячо оспариваются, а работа, выполняемая под одним ярлыком, в значительной мере совпадает с работой, выполняемой под другими. Один из результатов – это высокий спрос на меж-(мульти-, транс- и так далее) дисциплинарную работу.

В то же время организационные претензии на контроль сильны как никогда и, несомненно, сопротивляются всякому переопределению границ. Однако, «культуры» разных дисциплин развились в меньшей степени, чем зачастую утверждается, и в этом можно убедиться, просто взглянув на сноски в академических статьях.

И, наконец, есть то, что происходит в населенной нами мировой системе, которая с моей точки зрения является капиталистической мировой экономикой. Я полагаю, что мы переживаем структурный кризис системы, и это принуждает нас к тому, чтобы крайне активно заняться вопросом потенциального выхода этого структурного кризиса. На мой взгляд, структурный кризис начался в 1968 году и не сможет быть разрешен еще в течение 20-40 лет. Я много писал об этом структурном кризисе, его возможных последствиях, а также моральном и политическом выборе, который он подразумевает.

Таким образом, когда кто-то сегодня спрашивает меня, чем я занимаюсь, я отвечаю, что моя работа разворачивается на трех разных аренах. Во-первых, я стараюсь анализировать историческое развитие современной мир-системы. Во-вторых, я стараюсь анализировать структурный кризис, в котором находится эта система в настоящий момент. В-третьих, я пытаюсь анализировать кризис в структурах знания, который хотя и является частью структурного кризиса современной мир-системы, но все же нуждается в отдельном детальном четком анализе. ■

> Июньские дни в Бразилии

Рай Брага, Университет Сан-Паулу, Бразилия, член правления исследовательского комитета по рабочему движению (ИК-44) и **Рикардо Антунес**, Государственный университет города Кампинас, Бразилия

Июньские протесты в Бразилии демонстрируют ограничения и истощение машины экономического роста

Июнь 2013 года войдет в историю Бразилии как год социальных возмущений. Марш против повышения цен на проезд в общественном транспорте, состоявшийся 6-го июня в Сан-Паулу, собрал более 2000 человек. Молодежное «Движение за бесплатный проезд» (Movimento Passe Livre) не могло себе и представить, что оно потрясет страну настолько, что случится взрыв, сравнимый только с кампанией за прямые выборы 1984 года, когда в стране все еще царила военная диктатура.

Действительно, между 19 и 23 июня в 400 городах, в том числе 22 столицах штатов, по результатам опросов Бразильского института общественного мнения и статистики (IBOPE), около 6 % населения страны вышли

на улицы с демонстрациями и маршами. Есть три причины для такой волны общественной мобилизации. Во-первых, это истощение ныне действующей модели развития, основанной на гибкой эксплуатации дешевой рабочей силы, создании рабочих мест и редистрибуции доходов. Вторая причина - углубление мирового экономического кризиса с его негативными последствиями для нынешнего режима накопления в Бразилии, что приводит к замедлению экономического развития. В-третьих, более или менее латентное общественное недовольство, сопровождавшее рост валового внутреннего продукта (ВВП) в период с 2005 по 2010 годы, разрослось до масштабов всеобщего негодования, вылившегося в последние месяцы на улицы Бразилии.

Первый срок президента Лула де Силвы был отмечен традиционной экономической политикой, а закончился шумевшим коррупционным скандалом. Это обстоятельство заставило правительство поменять курс, увеличив социальные расходы, повысив минимальную зарплату выше уровня инфляции, укрепив народный кредит. Как показал политолог Андре Сингер, эта стратегия помогла консолидировать электоральную поддержку президентской политики экономической регуляции со стороны беднейших слоев бразильского общества.

Далее, для того чтобы справиться с растущим бременем государственного долга и вернуть доверие представителей рабочего класса, федеральное правительство начало оказывать содействие формализации рынка труда. Этот процесс обеспечил работни-

кам более высокую степень социальной защищенности. Ускорение экономического роста в течение последнего десятилетия, движимое ростом товарных цен в Бразилии, обеспечило возможность комбинации больших затрат на социальное обеспечение и расширения охраны труда.

Однако скрытые тренды нынешнего гегемонного режима постепенно стали явными. Характерные признаки нынешней модели развития - прогресс в вопросе формализации, оживление рынка труда, реальные прибавки к минимальной зарплате - сопровождались также ростом числа несчастных случаев на рабочем месте, интенсификацией текучести кадров, повышением уровня аутсорсинга персонала, большей гибкостью рабочего времени, а также относительным снижением инвестиций в сфере общественного транспорта, здравоохранения и образования.

Эта оборотная сторона медали стимулировала более или менее постоянное состояние недовольства среди рабочих, особенно среди молодых - необразованных, не состоящих в профсоюзе, чей труд является малоквалифицированным и низкооплачиваемым. Не следует забывать, что в течение последнего десятилетия 94% рабочих мест, созданных на рынке труда, предлагали заработок лишь в полтора раза превышающую минимальную заработную плату (около 450 долларов США).

Если учесть, что 65 % официальных рабочих мест были заняты молодыми людьми в возрасте от 18 до 28 лет, то становится понятным, почему общественное недовольство, вызванное истощением действующей модели, сосредоточилось главным образом в

этой группе, сыгравшей ключевую роль в Июньских днях. По данным исследования, проведенного консалтинговой компанией «Плюс маркетинг» большинство участников марша 20 июня 2013 года в Рио-де-Жанейро были наемными работниками (70,4%), при этом больше трети (34,3%) получали зарплату ниже минимальной. Если добавить сюда тех, чья заработная плата составляет не более трех минимальных, то более 64 % того миллиона бразильцев, что вышли на улицы Рио-де-Жанейро, являются частью городского пролетариата-прекариата.

Далее, уже в 2008 году стало очевидно, что количество забастовок в стране резко возросло. Как показывает обновленная информация Департамента статистики и социально-экономических исследований (DIEESE), после 2010 года число забастовок увеличилось в такой степени, что время простоев в 2012 году было на 75 процентов выше, чем в 2011. Длительность простоев достигла, таким образом, пика, превышаемого уровня 1989 и 1990 годов. Этот важный феномен объясняется сочетанием замедления экономического роста и все еще сильным рынком труда.

В действительности рассматриваемое нами движение, принимающее множество политических форм, в значительной степени отличается от всех тех, что видела Бразилия в обозримом прошлом. Более того, мы можем проследить изменения в стиле и характере демонстраций. Сначала в них участвовали студенты и рабочие, пользующиеся общественным транспортом, Начиная с 2005 года, демонстрации организовывало Движение за бесплатный проезд, вместе с молодыми

активистами, связанными с разнообразными левыми партиями. Демонстрации проходили одновременно в нескольких городах - Флорианополисе, Порту Алегре, Витории, Сальвадоре, Протесты постепенно разрастались и после жестокого подавления полицией марша 13 июня расширились территориально, захватив окраины города Сан-Паулу, где бедная молодежь начала мобилизацию и заблокировала несколько дорог. Впоследствии эта масса молодых людей и прекариата привлекла к себе традиционный рабочий класс: 11 июля около 3 миллионов человек приняли участие во всеобщей забастовке, парализовавшей главные столицы штатов всей страны.

В целом забастовки и демонстрации разрушили миф о том, что Бразилия - страна среднего класса на пути к тому, чтобы стать пятой крупнейшей экономикой мира - страна, в которой большинство довольно развито и нынешней моделью развития. Современный цикл мобилизации выявил глубокое неудовлетворение существующей моделью развития, и потому протесты наверняка будут продолжаться.

В обществе растет озабоченность противоречием между возобновлением цикла приватизации, который иллюстрирует недавняя приватизация портов, аэропортов, федеральных трасс, и массовыми требованиями обеспечения универсальных прав в таких сферах как здравоохранение, образование и общественный транспорт. Или, как гласит ратифицированный лозунг одного плаката Июньских Дней: «Дело не в центах, а в правах!» ■

> Границы “Рефо-люции”

Асеф Байят, Университет Иллинойса, Урбана-Шампейн

| Президент Мурси перед лицом военных.

Освобождение экс-президента Хосни Мубарака из тюрьмы 22 августа 2013 года является поворотным моментом. Оно отмечает контрреволюционный откат, начавшийся, видимо, уже в первый же день после ухода Мубарака в отставку 11 февраля 2011 года, но достигший кульминации 3 июля 2013 года, когда генерал Эль-Сиси си-

лой сместил с власти избранного президента Мухаммеда Мурси, лидера исламистской партии Братья-мусульмане. Военные аннулировали конституцию, установили временное светское правительство для проведения новых выборов президента, парламента и принятия конституции. Генералы начали жестко подавлять Братьев-мусульман: при разгоне демонстраций погибло

>>

1000 человек (в том числе 100 полицейских). Видя, что Братья-мусульмане отступают, а «либерально-светская» оппозиция - в смятении, мубаракисты пришли в экстаз и перешли в наступление в медиа, на улицах и в государственных учреждениях. Оргия национального шовинизма, дезинформации и безнаказанность вскармливали их фантазии по поводу восстановления старого режима. Старые стражи режима - руководители службы безопасности, начальники разведслужб, крупные бизнесмены, акулы медиа бизнеса - вновь оживились, получив доступ к новым ресурсам. Вскоре слежка перекинулась с «Братьев» на любого, кто мог бы показаться опасным для новой власти. Преследовали левых, либералов, революционеров. Не обошли даже Мухамеда Эль-Барадея, бывшего вице-президента нового правительства. Ошеломленные происходящим революционеры (те дисперсные группы, которые инициировали восстание 25 января 2011 года под лозунгами за «хлеб, свободу и справедливость») наблюдали за тем, как разворачивается новый виток контрреволюции.

Как могло произойти это превращение после более чем двух лет непрерывной революционной борьбы? Если исходить из того, что революции приносят фундаментальные изменения, то из этого следует, что они несут в себе и зачатки контрреволюции, ожидающие подходящего момента для нанесения ответного удара. Однако, контрреволюционеры чаще всего не получают широкой поддержки. Печально известное 18 брюмера Луи Бонапарта продлилось недолго, и Французская революция вновь утвердила внесенные изменения. Революции 1848 года в Европе преодолели волны мощных контрреволюций, когда одна за

другой новые демократии побеждали старые режимы в течение двух десятилетий. В XX-м веке внутренние интриги и международные войны против революций в России, Китае, на Кубе и в Иране окончились провалом, даже, несмотря на то, что заставили эти революции глубоко озабочиться вопросами безопасности, дойдя в этом стремлении до репрессий. На Филиппинах были нейтрализованы неоднократные попытки военных совершить переворот и сместить президента Кори Акино, после анти-марксистской «Народной революции» 1986 года. Только в Никарагуа, является редким примером демократического государства, где после революции 1979 года контрреволюция добилась успеха на выборах. Контрреволюционная война, поддержанная США, серьезно подорвала революционное правительство Сандинистов, обеспечив в 1990 году победу на выборах представительницы правых сил, Виолетты Чаморро.

Однако, в Египете дело не зашло так далеко. Революции, характерные для XX века, предполагающие быстрый и радикальный захват государственной власти, не затронули Египет, Тунис и Йемен. В этих странах произошли революции, то есть революции, лидеры которых стремились провести реформы изнутри государства, через институты-инкубенты. Траектория революции парадоксальна: революционеры имели массовую поддержку, но им не хватало административной власти; они добились удивительной гегемонии, но не стали правителями. В связи с этим они стали опираться на государственные институты - инкубенты (например, министерства, суды, военных) для того, чтобы вносить необходимые изменения. Конечно, было наивным предполагать, что эти институты, в которые инвестированы властные интересы, способны на глубинные изменения

или готовы к самоуничтожению. В лучшем случае они занимали позицию выжидания и готовились к ответному удару. Революционеры быстро осознали это обстоятельство, однако не смогли ничего изменить. Они были в состоянии лишь организовать массовые уличные демонстрации (пусть и героические). Им не хватало жесткой сбалансированной организационной структуры, сильного лидерства, а также способности к использованию принуждения при необходимости

Таким образом, пока революционеры-неисламисты стремительно маргинализировались, высокоорганизованные Братья-мусульмане добились успеха и смогли, хотя и с небольшим перевесом, победить на выборах и сформировать правительство. Но у них не получилось выполнить главные требования революционеров: «хлеба, свободы, социальной справедливости». Они сфокусировались на консолидации собственной власти, несмотря на то, что это означало необходимость компромиссов с ключевыми институтами государства, такими как полиция и разведслужбы, которые на самом деле нужно было расформировать. Они использовали религию для легитимизации своей власти, мечтали об исламизации государства, продолжили неолиберальную экономическую политику и продемонстрировали полную неспособность к управлению. Уже презираемые сторонниками Мубарака, которые составляли значительную часть населения, Братья начали терять поддержку многих простых людей, поддержавших президента Мурси. К концу первого года правления Мурси и его покровители стали восприниматься как препятствие на пути углубления революционных изменений. Таким образом, оппозицию Братьев на практике составил альянс революционеров-противников Мубарака и контрреволюционеров-мубара-

кистов. Этот альянс, поддержанный миллионами разочаровавшихся простых египтян, привел к восстанию 30 июня. Революционное движение (tamarrod) ускорило процесс слияния этих странных союзников в едином порыве. В течение нескольких месяцев, предшествующих восстанию, активисты работали день и ночь, чтобы мобилизовать оппозицию, которая насчитывала – по числу подписей, собранных за импичмент Мурси – 22 миллиона человек.

Наблюдая растущее недовольство населения, остающееся без сильного лидерского ядра, военные включились в волну протеста, сами возглавили движение и стали лидерами «анти-мурсистов». На тот момент, многие египтяне рассматривали вмешательство военных как неизбежное «революционное насилие», необходимое для устранения главного барьера, то есть власти Братьев, которые, по их мнению, остановили революцию. Но они не могли и представить себе, что собирались сделать генералы и их товарищи-контрреволюционеры после 3 июля. Сообщения о том, что военные и контрреволюционные круги поддерживали tamarrod для того, чтобы сместить Мурси, не должны затмевать тот факт, что правление Братьев уже посеяло недовольство умах многих египтян.

Существуют значимые различия между тем, что задумывали лидеры, и той идеей tamarrod, которая захватила умы миллионов простых египтян накануне восстания 30 июня. Однажды я разговорился с отцом четырех детей, механиком туристических лодок, оставившим свою семью в южном городе Асуане и приехавшим в Каир на за-

работки из-за потери работы дома. Он злился на Мурси и говорил, что у Братьев «недостаточно мозгов для управления страной»; «они говорят, что туризм – харам (запрещен), или что иностранцам надо уехать домой». Братья, продолжил он, «ужасны. Но 30 июня им придет конец. Люди свергнут их». Он сказал это 9 июня, за три недели до восстания. Братьев действительно свергли, однако победителями стали военные и контрреволюционеры.

Действия военных были нацелены не только на Братьев-мусульман, но и на революцию как таковую. Как старая гвардия Мубарака, они так и не смирились с самой идеей революции – с тем фактом, что Египет изменился. Новые актеры, настроения, новый образ жизни пришли на смену старым, пошатнули укоренившиеся иерархии, противопоставлявшие правителей и управляемых, богатых и бедных, шейхов и простолюдинов, мужчин и женщин, старых и молодых или учителей или учеников. Чтобы подтвердить собственную власть, старая гвардия уже интенсифицировала националистические настроения; но она не остановится перед тем, чтобы привести консервативную религиозность (даже салафитского типа) вместе с неолиберализмом и внедрить идеологическую триаду – Мораль, Рынок, Милитаризм.

Можно ли было избежать этого, понимая, что контрреволюция была тверда в своем намерении нанести ответный удар? Если бы Братья-мусульмане действительно были готовы работать с неисламистской оппозицией в революционной коалиции, а неисламистская оппозиция была бы готова признать выбранных

исламистов, хоть и нелибералов, в качестве партнеров в широком репрезентативном правлении, все могло бы сложиться совсем иначе. Действительно, возможный баланс сил между избранными исламистами, неисламистской оппозицией, и покоренной старой гвардией, мог бы сам по себе привести к созданию пространства дебатов на такие темы, как гражданство, гражданские свободы, права и обязанности – площадке, на которой стороны могли бы на практике научиться действовать по правилам демократической игры. Конечно, такое правление, скорее всего, не смогло бы удовлетворить требования социальной справедливости, однако у угнетенных классов было бы больше возможностей для мобилизации, чем в условиях контрреволюции.

Все это может звучать, как абстрактная спекуляция, однако именно так развиваются события в Тунисе. Правящая Партия Возрождения (аль-Нахда) только выиграла бы, будь она более инклюзивна и работала со светской оппозицией, признав ее стремление к защите гражданских прав и прав личности. А светские силы, противостоявшие президенту Бен Али, закрепили бы новообретенную свободу, если бы признали Партию Возрождения как игрока, или даже партнера, в тунисской публичной сфере. Если успеха достигнет популистская контрреволюция, она может уничтожить не только политический ислам, но и светскую интеллигенцию, только что ожившую от «политической смерти», настигшей ее в полицейском государстве Бен Али. ■

> Улица

ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

Мохаммед А.Бамъех, Университет Питтсбурга, США, редактор журнала
International Sociology Reviews, MCA

Каирское уличное искусство повсеместно и политизировано. Изображения современных мучеников стилизованы и ассоциируются с древне-египетскими изображениями. Фото Мохаммеда Бамъеха.

Первая крупная фаза Египетской революции подошла к концу: временной промежуток между 11 февраля 2011 года и 14 августа 2013 года представляет собой четко ограниченный период. Он начинается с очевидного разрушения старого режима и заканчивается его возвращением, стремлением к реваншу, но с важным отличием: теперь режим утверждает, что действует в интересах революции. Очевидное большинство населения осталось недовольным краткосрочным правлением Братьев-мусульман. Это стало основанием для военного вмешательства, сместившего первого в истории Египта демократически избранного президента.

Однако, совсем неясно, хо-

тели ли обычные граждане, поддерживавшие свержение Мурси, кровопролития 14 августа, когда военные смели два лагеря сторонников президента, убив почти 1000 человек, или два меньших по масштабу кровопролития, случившихся незадолго до него. Неясно также, насколько граждане готовы к тому, чтобы военные контролировали страну еще сильнее, чем при Мубараке, как они стараются делать это сейчас. В конце концов, в тридцатилетний период правления Мубарака не произошло ничего даже отдаленно напоминающего действия находящихся сейчас у власти военных. Более того, при Мубараке никогда не было такой единогласно поддерживающей режим прессы. Две трети египетских провинций находятся под управлением вы-

>>

сокопоставленных военных или представителей полиции. Особенно следует отметить, что аппарат безопасности старого режима был воскрешен и начал действовать в полную силу, хотя он редко показывал даже малейшие признаки жизни в течение двух с половиной лет правления Мурси. Как будто старое государство находилось в таком глубоком подполье, что никто и не подозревал о его продолжающемся существовании, только для того, чтобы вновь появиться на поверхности со всем своим убийственным потенциалом – в самый подходящий для этого момент. Это аппарат, питающийся насилием. Он сделал все для того, чтобы заставить оппонентов прибегнуть к насилию, дабы оправдать собственное использование полицейского государства в полную силу.

Сложная динамика Египетской революции не может быть передана фразой «борьба за государственную власть». На самом деле большая часть революционной энергии с января 2011 года была направлена против государства как такового, и не принимала форму требования передачи власти в руки определенного лица или политической партии. Это массовое настроение, укорененное в обычных анархистских установках, не было понято ни организованными политическими партиями, ни военными – силами, борющимися за государственный контроль. Действительно, одно из наименее заметных качеств Египетской революции является двойственный источник ее динамики. С одной стороны, мы видим динамику улицы, которой никто не управляет, но которая развивается в соответствии с техниками старого образа жизни – т.е. вне государственного контроля и, несмотря на существование государства с его налогами и пошлинами. С другой стороны, мы видим организованные силы (Братьев и военных) и организованные либеральные партии, которые видят в уличном динамизме только политические возможности для реализации собственных интересов, а не великие революционные события, обозначающие начало новой эры и

нового образа мышления. Совершенно поразительна интеллектуальная посредственность египетской политической элиты. Она проявляется в склеротическом составе нынешнего правительства, в его обветшавшем плане развития демократии (который был практически слово в слово озвучен смещенным президентом), в нечитаемых СМИ, спонсируемых им, и в бесчисленных низкосортных теориях заговора, распространяемых им в период кризиса.

Египетская революция, как и все восстания Арабской весны, во многом являлась движением обычных египтян. Под «обычными» я подразумеваю индивидов без утонченных идеологических предпочтений и партийных аффилиаций, а также тех, кто до января 2011 года почти никогда не принимал участия в политических процессах, и редко голосовал на выборах. Эти революции простых людей не полагались на советы харизматичных лидеров или иерархичных организаций. Маленький человек, участвующий в революционных событиях понял, что именно он стал теперь творцом истории. Это новое чувство привело к развитию культуры вовлеченности, в том числе артистической креативности, высокодинамичных сред, дружественных дебатам и обсуждению. Оно, однако, не привело к развитию государства, которое напоминало бы или хотя бы черпало бы вдохновение из такого социального динамизма в низах. Кажется, что большинству обычных египтян хотелось, чтобы результатом революции стало создание государства, живущего с ними, а не просто управляющего ими. Но египетское государство редко управлялось в соответствии с такими ожиданиями. А после августовской резни оно находится еще дальше от таких представлений.

В настоящее время власть имущие в Египте капитализируют на атмосфере непримиримой поляризации, ставшей основной причиной августовской бойни. Хотя такая атмосфера в основном приносит пользу любому правительству, обещающему быть достаточно сильным для того, чтобы защитить

одну партию от другой, она также способствует пониманию политики как искусства уничтожения врага. Эта логика породила несколько конфронтаций, проложив дорогу к массовому убийству 14 августа: преступлению против человечности, оправдываемому как «воля народа». Партия Вафд, представляя либеральные силы, моментально одобрила этот кошмар, используя аргумент, что силы безопасности лишь стали исполнителями воли «народа», который якобы вышел на улицы 26 июля для того, чтобы поддержать просьбу генерала Сиси о получении разрешения на борьбу с «террористами» (под этим он, видимо, подразумевал примерно треть населения Египта).

Но даже если события 14 августа действительно являются «волей народа», это не отменяет того факта, что они стали преступлением против человечности. Такое преступление начинается с обычной подготовки, а именно происходит дегуманизация врага (чем египетские масс медиа и некоторые египетские интеллектуалы неустанно и занимались) для того, чтобы массовое кровопролитие казалось оправданным и рациональным. Во-вторых, для совершения такого преступления необходимо толкование политики как искусства полного и окончательного уничтожения врага. В-третьих, необходима вера в то, что эта цель в принципе может быть достигнута. Все три варианта аргументации были широко распространены в последние месяцы. Но именно, начиная с 31 июля, я слышал, как враги Братьев говорили, что наступил подходящий момент для того, чтобы раз и навсегда покончить с этим движением. Так, преступление против человечности, в конечном счете, является осуществлением предрассудка: веры в то, что небольшое кровопролитие решит проблему, которую мы не хотим понимать. Если революции вершатся разумом, что Маркузе понимал уже в 1960 году, то их достижения уничтожаются предрассудками, от которых эти революции, в свою очередь, необходимо спасать. ■

¹ См. Bamyeh, Mohammed A. (2013) "Anarchist Method, Liberal Intention, Authoritarian Lesson: The Arab Spring between Three Enlightenments." *Constellations* 20(2): 188-202.

> От оскорбления к возмущению

Полат Алпман, Университет Анкары, Турция

Тальцидный человек – один из символов протеста в парке Гези – намек на тальцитный раствор – средство облегчающее последствия отравления слезоточивым газом

Сейчас у власти в Турции находится исламский консерватизм. Это третий раз, когда он вступает в силу, и с каждым разом он набирает обороты. Политический путь турецкого исламского консерватизма простирается от политической силы к социальному и даже культурному доминированию. Нынешний режим пытается вывести Турцию из-под опеки армии, а при помощи экономических и политических реформ он пытается разрешить такие проблемы, как курдский вопрос и вопрос хиджаба. Идеалом для нынешней турецкой власти выступает Евросоюз, и её психо-экономическое правление делает Турцию более открытой для международного рынка и внешнеполитически эффективной.

Со временем режим получил поддержку большинства, и теперь это побуждает его к организации социальной жизни по своему образу и подобию. Действительно, политическое влияние турецкой армии уменьшилось, однако увеличилась власть полиции. Теперь полиция все чаще воспринимается как организация, работающая лишь на благо государства. Научная сфера и СМИ были подвергнуты цензуре (или самоцензуре). Привычным стал странный дискурс «великого человека» и политики «джентльмена».

Однако недовольство усиливалось, что было заметно по невысказанному гневу жертв городской трансформации, деспотических субдоговоров и отсутствия улучшений в материальном положении большинства, несмотря на предполагаемый рост экономики. Заключение в тюрьмах с помощью голодовки требуют возможности осуществлять правовую защиту на своем родном языке. Закрытие площади Таксим 1 мая под бессмысленными предложениями разозлило многих, так же как и строительство третьего моста в Стамбуле, который назовут в честь Явуза Султана Селима, оттоманского султана, уничтожившего множество алевитов.

>>

Также есть вопросы, которые государство не хочет поднимать, например, повсеместная жестокость, пытки, изнасилования курдских детей в тюрьме Позанты; массовое убийство курдов в Робоски/Улудере в 2011 году; «террористические» бомбардировки в Рейханлы в 2013 году.

Инциденты в парке Гези начались с обычного протеста. Однако для премьер-министра протест стал идеологической провокацией — результатом внешних и внутренних заговоров. Из-за безмерной тяги к власти и нежелания идти на компромиссы, которых требует демократия, премьер-министр эффективно превратил улицы в продолжение собственной политики. Эскалации конфликта, начавшейся 31 мая, можно было бы избежать, если бы премьер не называл людей «мародерами» и «служителями особых интересов». Возможно, было бы легче достичь согласия, если бы он постоянно не грозил пальцем в сторону протестующих, объявляя их врагами народа, и если бы не позволил полиции их убивать.

Первого июня люди массово прорвались через полицейские заслоны в парк Гези, и оттуда их голос услышал весь мир. Полиция отступила и покинула парк, который вслед за этим превратился в площадку для всех, кто хотел бы публично высказать свои претензии. Возникла новая культура сопротивления со своим чувством юмора, граффити и широким использованием социальных СМИ. Особенно выделялись феминистское и ЛГБТ-движения, обличавшие сексистские дискурсы при помощи слоганов «Не обзывайте женщин, геев, проститутток!» и «Сопротивляйтесь упорно, но без брани!».

В субботу 15 июня премьер-министр провел в Анкаре официальную демонстрацию, которая должна была разоблачить «особые интересы» и подрывные силы, стоящие за инцидентами в парке Гези. Премьер сообщил, что

на следующий день в Стамбуле пройдет публичная демонстрация и поэтому парк Гези необходимо немедленно освободить от протестующих. В результате полицейская атака с химическими бомбами, водометами и дубинками окончилась полным фиаско. Так как были выходные, парк напоминал ярмарку, и в нем было полно детей, стариков и инвалидов, которые, конечно, были совершенно сбиты с толку внезапным появлением химических бомб. Сдержав слово, на следующий день премьер-министр прибыл в Стамбул после этой чистки и провел свою демонстрацию, не обращая внимание на то, что в больницах полно раненых и даже покойников, а многие активисты находятся под стражей.

Сопротивление продолжается. Люди собираются в парке Гези и в других парках. Они организуют форумы, на которых обсуждают государственную политику и будущее города. Они создают собственный язык, собственную культуру, собственное городское сознание. Социальное движение требует, чтобы государство защищало этнические сообщества и воспринимало общество как плюралистическое, а не мажоритарное образование. Это требует неограниченных прав на свободу самовыражения и объединения.

Превратившись из протеста в бунт, а теперь — из бунта в сопротивление, акция в парке Гези стала самым влиятельным социальным движением, призывающим к смене единоличного правления на более глубокую институционализацию демократии. Наряду с требованиями, относящимися к парку Гези, протестующие обращают внимание на курдскую проблему. Ответственность наблюдает за тем, как государство подойдет к этим вопросам. Интересно, сможет ли оно скорректировать свой нынешний курс.■

> Парк Гези: искусство сопротивления

Зейнап Байкаль, Технический Университет Ближнего Востока, Турция, член ИК по исследованиям расизма, национализма и этнических отношений (ИК05) и **Незихе Басак Эргин**, Ближневосточный Технический университет, Турция, член ИК по развитию регионов и городов (ИК21), а также ИК по социальным классам и общественным движениям (ИК47)

Фасад Культурного центра им. Ататюрка – символа Стамбула – превратился в галерею постеров, демонстрирующих сопротивление сносу Центра и реновации Парка Гези площади Таксим.

«Жить подобно дереву – одиноко и свободно, и как деревья в лесу – по-братски: вот чего мы желаем»

Назым Хикмет

Очень сложно выразить наши чувства по поводу последних двух месяцев сопротивления – июня и июля 2013 г., которые необыкновенно вдохновили не только Турцию, но и весь мир. Стал популярным слоган: «Везде Таксим, везде противостояние». Он звучит на многих языках и по множеству поводов. Многие люди, обладающие экологическим и урбанистическим сознанием, собрались, чтобы заявить протест против застройки парка Гези рядом с площадью Таксим в Стамбуле. Однако никто и не думал, что защита «двух-трех деревьев» приведет к возникновению большого движения за эмансипацию и человеческое достоинство.

И все же нельзя утверждать, что это движение было просто реакцией на планируемую застройку парка. Скорее оно было спровоцировано заявлениями премьер-министра Турции, касающимися частной жизни молодых людей и женщин, ограничения свободы самовыражения и прав человека. Это был протест против новых правил, принятых неожиданно, без обсуждений и совещаний, из-за которых жители центральных районов города, трущоб (gesekondu), социальных домов и старых кварталов фактически были выселены. Данный тип официального дискурса продолжался все эти два месяца и, в конце концов, привел к массовой мобилизации населения. Конфликт был

усугублен вмешательством полиции, превратившим протестные акции в поле сражения. Правительство в 2013 году запретило празднование Первого мая, которое должно было проходить на площади Таксим. Основанием было якобы то, что на площади ведутся строительные работы. Правительство жестко подавило протестующих против закрытия кинотеатра «Эмек», на месте которого собирались строить торговый центр – то же самое случилось с культурным центром «Ататюрк» и театром Муаммера Караджи, несмотря на то, что в 2010 году Стамбул получил титул Европейской Культурной Столицы. В этом случае государство перешло в наступление на все аспекты искусства – на актеров, бюджет, костюмы и мизансцены спектаклей и перформансов.

Защищая общую городскую повестку дня и протестуя против многообразных форм запрета, профсоюзы и профессиональные ассоциации, политические фракции, товарищества собственников жилья объединились под знаменем «Таксимской солидарности». Это сообщество уже много лет занимается борьбой с городскими проблемами. В дни сопротивления, полные эмоций и дружеских чувств, рука об руку шли люди из самых различных левых, социалистических, курдских, анархистских, ЛГБТ-объединений, кемалисты (турецкие националисты), а также множество простых людей из разных классов и по-

колений – особенно молодежь «поколения X/Y».

Парк Гези стал средоточием усилий, направленных на защиту права на город, права доступа и использования городского центра, права участия в принятии решений по поводу организации пространства, права на самореализацию путем превращения города в произведение искусства. Один из основных терминов, появившихся в связи с противостоянием, – слово *şarılucu* (чапульджу), «мародеры» – так премьер-министр Эрдоган охарактеризовал протестующих. Демонстранты позаимствовали слово и наделили его позитивными коннотациями. Оно стало обозначать людей, гордящихся тем, что борются за свои права, за человеческое достоинство и противятся любой форме угнетения. Здесь гражданское сопротивление вышло за рамки партийной политики и стало местом коллективного действия и коллективного языка. Оно вышло из-за закрытых дверей и спровоцировало волну «форумов солидарности» в общественных парках разных городов Турции.

В обстановке, где так называемые «информационные каналы» предлагают лишь идеологию, появляется политическое искусство. Оно вырастает из юмористического творчества и циркулирует в социальных СМИ, озадачивая силовые структуры и ставя под вопрос их политические традиции и репертуар. В эти военно-карнавальные дни во-

ображение, искусство и юмор породили новые, выходящие за пределы привычных тропов лозунги надежды, начертанные на стенах отвоеванных и освобожденных улиц.

Собрания различных групп были отражены в широком спектре изображений, популярных персонажей, слов и культурных элементов, однако все эти элементы предъявляли одни и те же демократические требования. «Несбалансированная интеллектуальность» юмористического культурного репертуара поколений 80-х и 90-х, обычно обвиняемого в аполитичности, искусно противостояла «несбалансированной жестокости полиции», в результате которой шестеро погибли, сотни были ранены, а пятнадцать человек лишились зрения. Протестующие распевали авторские марши «Чапульджу». Главные актеры популярных ТВ-сериалов, такие как Мухтешем Юзйил и Бехзат Ч., стали «известными фигурами» сопротивления. Не только в Турции, но и за рубежом такие музыканты, как Патти Смит, Джоан Баэз и Роджер Уотерс, поддержали протест с помощью фотографий, видеозаписей и концертов. Лозунги движения основывались на игре слов. За основу бралось что угодно. Так, например, название популярного фильма «V – это Вендетта» превратилось в «V – это миссис Вильдан». Этим именем обозначали домохозяек, участвовавших в сопротивлении. Выражение «Днем он Кларк Кент, ночью – Супермен» относится к офисным работникам, участвовавшим в сопротивлении после работы. Обыгрывались име-

на музыкантов, названия песен, футбольные кричалки и рекламные слоганы. Джастин Бибер превратился в “Just in Biber/Pepper” – «немного перца» (намек на чрезмерное использование перцового газа полицией); песня “Everyday I’m shuffling” превратилась в “Everyday I’m şaruling”; реклама «Nokia объединяет людей» превратилось в «Фашизм объединяет людей».

Фасад Культурного центра «Ататюрк» появляется на многих фотографиях периода сопротивления, так же, как и на легендарных фотографиях празднования 1 мая. В парке также были и другие творческие акции: спектакли, танцевальные перформансы, кинопоказы, музыкальные концепты. Самым значительным символом, часто фигурирующим в настенной графике, стал «пингвин» – аллюзия к документальному фильму, передававшемуся по каналу CNN-Turk как раз во время полицейских атак. Стоящий Человек (“duranadam”) – мужчина, молча простоявший восемь часов во время протеста, Тальцидный Человек (тальцид – лекарство для желудка, уменьшающее эффект перцового газа), и Женщина в Красном (женщина, в первые дни подвергшаяся атаке перцовым газом) стали героями парка Гези. Все они стали коллективными символами – их изображения были выложены в сети Facebook. Стоящий Человек – которым оказался хореограф Эрдем Гюндюз, который много часов простоял перед Культурным центром «Ататюрк» – стал инициатором новой формы сопротивления – протест «стоя».

Другие прямо перед полицией демонстративно читали книги. Еще одна важная форма сопротивления – сатира на высказывание премьер-министра о движении: «Кастрюли и сковородки, один и тот же шум!». В результате на балконах по всему городу стали устраивать шум при помощи кастрюль и сковородок. Когда атмосфера стала спокойнее, протестующие начали рисовать на асфальте ступеньки всех цветов радуги.

Если подытожить, то протесты на площади Таксим и в парке Гези репрезентируют новую политизацию, коллективную память и коллективный язык, которые выходят за рамки привычной политики. Как подчеркивают исследователи, но отрицают многие политики, городское пространство способно к выявлению «пространственной» несправедливости, скрытой за «политикой в обычном режиме». Раскрывая социальное разделение, искусство создает универсальное единство, впечатывая эпизоды глубоко в наше сознание. Коллективное творчество şarulcu, для которого теперь есть и английский термин – “chapulling,” возможно, будет стерто с уличных стен, но не так уж просто будет вымарать его из сердец и умов свидетелей и участников Гезийского сопротивления. Хоть и невозможно возместить потерю убитых людей – Этхема Сарысюлюка, Абдуллаха Джёмерта, Мехмета Айвалыташа, Медени Йилдырыма, Али Исмаила Коркмаза и Ахмета Атакана – но мы закончим оптимистическим лозунгом со стены: «Ничто не будет прежним, утри слезы!». ■

> Индийский эксперимент: гранты базового дохода

Гай Стендинг. Школа Восточных и Африканских исследований, ВБ

Глобализация подарила населению всего мира не только большие масштабы неравенства, но и хроническую экономическую нестабильность. Государства оказались не в состоянии эффективно развивать или адаптировать системы социальной защиты для снижения экономической ненадежности. Они стали использовать тесты на нуждаемость, поведенческие тесты, руководствоваться принципами селективности, разрабатывать целевые программы и программы стимулирования трудовой активности. Эмансипационный универсализм был принесен в жертву повсеместно.

В этом контексте возродился интерес к универсальным некондициональным грантам базового дохода (basic income grants), а именно денежным переводам, которыми снабжаются все граждане для обеспечения их минимальным доходом. В то время как кондициональные переводы (то есть выдаваемые при выполнении особых условий) стали популярны по всему миру, некондициональные (то есть безусловные) не удостоились адекватного внимания. Вместе с Ассоциацией самозанятых женщин (SEWA) я стал работать в проекте ЮНИСЕФ, который ставил задачей запуск пилотных исследований эффективности таких универсальных грантов дохода в Индии.

В Индии разворачивается острый публичный дебат по вопросу денежных пособий. С одной стороны, сторонники субсидий на продукты питания борются за то, чтобы расширить государственную систему распределения, чтобы охватить ею 68 % населения, как планируется в законопроекте о продовольственной безопасности.

Критики считают, что расширение распределительной

системы усугубит проблемы коррупции, будет дорогостоящим, обеспечит население питанием низкого качества и не окупится. С другой стороны, приверженцы денежных переводов обвиняются в желании разрушить сферу общественных услуг и снизить затраты на социальное обеспечение. Настоящая проблема заключается в том, что действующая политика оставила около 350 миллионов человек, то есть примерно 30 процентов населения, затаянными в трясину нищеты, даже после двух десятилетий высокого экономического роста. В этом контексте в 2011 году мы запустили два пилотных исследования, спонсируемых ЮНИСЕФом и координируемых SEWA, чтобы изучить эффекты программы грантов базового дохода. Результаты были представлены на конференции в Дели 30-31 мая 2013 года, на которой присутствовали заместитель председателя Комиссии планирования и Министр сельского хозяйства и ответственные за политику денежных переводов. Закрытая презентация также была проведена для Сони Ганди по ее просьбе. В восьми деревнях штата Мадья Прадеш, каждый мужчина, женщина и ребенок были снабжены месячной выплатой в размере 200 рупий для взрослых и 100 рупий для детей (сумма выплачивалась матери или опекуну). Эти суммы затем были повышены до 300 рупий и 150 рупий соответственно. Мы также внедрили подобную схему в этнической деревне, где в течение 12 месяцев каждому взрослому выплачивали 300 рупий в месяц, а каждому ребенку 150. Другая этническая деревня была использована для сравнения. Деньги выплачивались индивидуально, изначально наличными, а через три месяца перечислялись на банковский или кооперативный счет. Власти

страны и штата узнали, какой схеме следует придерживаться при переводе прямых выплат населению в этой огромной стране. В рамках пилотных исследований жителям деревень не разрешалось заменять продовольственные субсидии денежными грантами. Получатели не должны были соответствовать никаким условиям. Мы считаем, что этот аспект является ключевым. Сторонники кондициональности фактически утверждают, что они не доверяют людям в принятии решений о том, каким образом лучше всего потратить полученные деньги, и что предпочтительнее, если это будут решать политики.

Разработчики пилотных исследований считают, что гранты базового дохода работают оптимальным образом при хорошей системе государственной службы и социальных инвестиций, и что они будут функционировать лучше, если будут применяться через представительскую организацию, то есть орган, дающий ее членам возможность совместного голосования. Я придерживался этой позиции по поводу базового дохода в течение многих лет. Таким образом, я полагаю, что эта программа работает оптимальным образом только в том случае, если у представителей уязвимых групп населения будет институциональное представительство.

Для проверки этой гипотезы все отобранные деревни были разделены на 2 равные группы. В одной группе программа грантов осуществлялась с участием SEWA, во второй группе – без интервенции этой неправительственной организации.

Критики утверждают, что денежные пособия будут неэкономными, вызовут инфляцию, понизят темпы экономического роста, уменьшат приток

>>

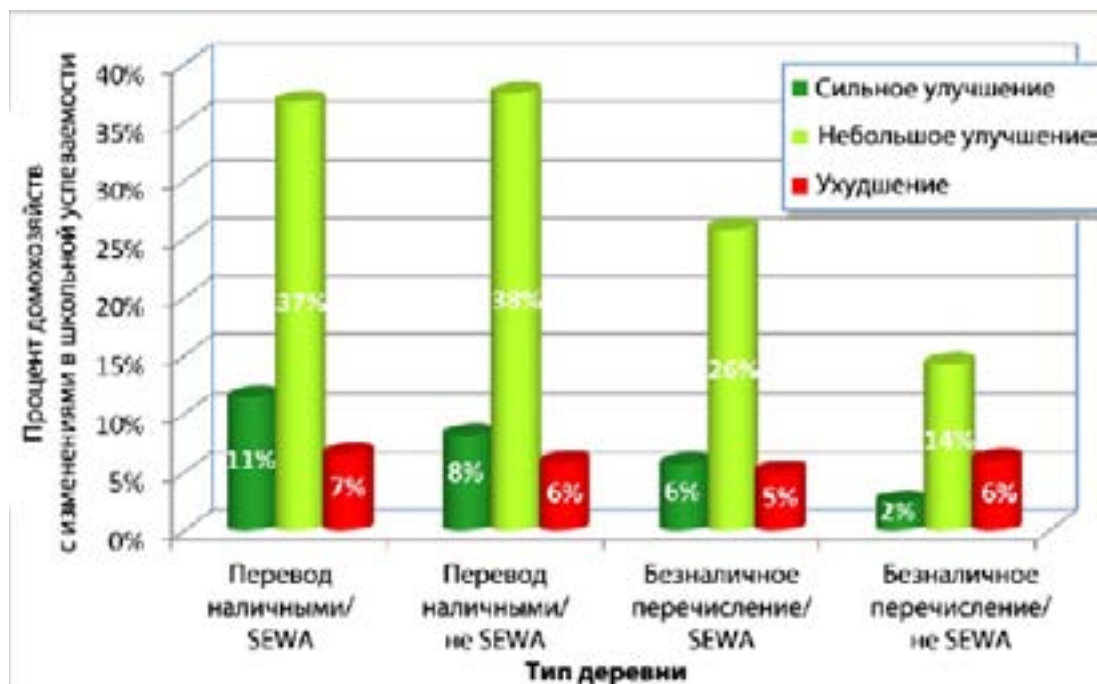

Рис. 1

рабочей силы. Сторонники считают, что у пособий есть потенциал устранить препятствия на пути к улучшению жизненных стандартов и экономическому развитию силами местных сообществ. Исследование продолжалось 18 месяцев. Начав с базовой переписи населения, в рамках которой была собрана информация о многих демографических, социальных и экономических характеристиках, мы провели предварительный и финальный оценочные опросы. Цель исследования было изучение социальных эффекты грантов базового дохода. Далее мы использовали метод случайного контроля (randomized control trials, RCT), с помощью которого сравнивались результаты домохозяйств и деревень, где жители получали базовый доход с данными по двенадцати контрольным деревням, где программа грантов не была запущена. В дополнение к этому независимая команда провела более 80 исследований кейсов, снабдив полученные данные личными и семейными рассказами об опыте. Нам следует проанализировать еще много данных, но, как показала конференция, в целом картина ясна. Перед тем, как сформулировать основные выводы, отметим, что большая часть респондентов отдала предпочтение не субсидиям (покрывающим расходы на такие продукты, как рис, пшеница, керосин и сахар), а денежное

пособие. Особо отметим одиннадцать результатов пилотного исследования.

(1) Многие использовали деньги для улучшения жилищных условий: дома, туалета, стен, крыш, а также для улучшения защиты от малярии.

(2). Улучшилось питание, особенно среди касты неприкасаемых – как в деревнях, так и в домохозяйствах. Наверное, наиболее важным было то, что значительно улучшилась средняя возрастная вес (z-оценка ВОЗ), в особенности среди девочек.

(3). Отмечен переход от магазинов продуктов, обмениваемых на карточки, к рынкам, что стало возможным благодаря выросшей финансовой ликвидности. Это улучшило питание, повысило относительное потребление свежих фруктов и овощей и понизило потребление утраченных свежесть субсидированных круп, часто перемешанных с камнями в мешках и купленных в магазинах Государственной системы распределения, государственной системы продовольственной безопасности. Улучшенное питание может объяснить более крепкое здоровье и повысившуюся энергичность детей, связанные с меньшей частотой сезонных заболеваний, более регулярным приемом лекарств и более частым использованием частного здравоохранения. Обществен-

ные службы должны быть улучшены!

(4) Улучшение состояния здоровья объясняет выросшие показатели посещаемости школы и успеваемости (рис. 1). Последнее также является результатом того, что семьи получили возможность приобрести такие вещи, как обувь, и оплачивать транспорт в школу. Важно то, что семьи сами предпринимали определенные действия. Не было необходимости в предьявлении условий. Люди, с которыми обращаются, как со взрослыми, учатся быть взрослыми. Никакая кондициональность не может быть морально приемлемой, пока ее инициатор не посчитает, что он готов применить эти условия по отношению к самому себе.

(5). Схема способствовала снижению уровня неравенства. В большинстве аспектов более положительный эффект был достигнут среди групп, находящихся в невыгодном положении: семей низших каст, женщин, инвалидов. Когда внезапно у представителей этих групп появились собственные деньги, это дало им более сильную позицию при переговорах в семье. Поддержка ущемленных групп – к сожалению, пренебрегаемый аспект социальной политики.

(6). Гранты базового дохода привели к росту малых инвестиций: покупке большего количества зерна лучшего качества,

>>

РОСТ ЗАРАБОТКА В СЕМЬЯХ, ПОЛУЧИВШИХ ГРАНТ БАЗОВОГО ДОХОДА (2013)

Рис. 2

швейных машин, открытию маленьких магазинов, ремонтных мастерских и т.д. Это привело к большему уровню производства и, следовательно, более высоким доходам. Положительные последствия для производства и роста означают, что эластичность предложения возмещала инфляционное давление по причине возросшего спроса на базовые продукты, в том числе продукты питания. Обнадуживает тот факт, что потоки местного зерна, вытесненные госсистемой распределения, восстановились.

(7). противоположность тому, что говорили критики, гранты привели к увеличению уровня занятости и росту рабочих мест (рис.2). Но у этой истории есть ряд нюансов. Наблюдается переход от повседневного наемного труда к частному предпринимательству, в том числе в сельском хозяйстве. Уменьшился уровень миграции, вызванной нищетой. Женщины в большей степени выиграли от программы грантов, чем мужчины.

(8). Наблюдается неожиданное снижение уровня подневольного труда. Это имеет множество положительных последствий для местного развития и преодоления неравенства.

(9). Среди тех, кто получал грант базового дохода, наблюдалась тенденция к умень-

шению долгов. Одна из причин состоит в том, что у получателей дохода снизилась необходимость в получении краткосрочных кредитов с невероятно высокой процентной ставкой (5% в месяц). Действительно, единственные местные, жаловавшиеся на пилотное исследование, – это ростовщики.

(10). Невозможно переоценить важность финансовой ликвидности в сообществах с низким уровнем дохода. Деньги – это дефицитный, монополизированный товар, наделяющий огромной властью ростовщиков и чиновников. Способность обойти их может значительно помочь в борьбе с коррупцией. Несмотря на то, что семьи были отчаянно бедны, многим удавалось отложить деньги, и таким образом избежать увеличения долга во времена финансового кризиса, вызванного болезнью или тяжелой утратой.

(11). Эта политика создает трансформационный потенциал как для семей, так и для деревенских сообществ. Целое лучше, чем совокупность отдельных частей. В отличие от схем продовольственных субсидий, которые замыкают экономические и властные структуры в одном месте, плодят коррупцию среди чиновников, распределяющих пособия для бедных,

гранты базового дохода дали жителям деревень больший контроль над собственной жизнью и привели к положительным последствиям в плане равенства и экономического роста.

В рамках публичного дебата в Индии мы высказали аргументированное суждение, что универсальные схемы могут быть менее затратными, чем схемы, ориентированные на целевые группы. Целевые программы, работающие на основании дискредитированных карточек для бедных, либо с помощью другие методик тестирования, являются чрезвычайно затратными как на стадии разработки, так и на стадии внедрения. Все целевые методы допускают серьезные ошибки, исключая многих нуждающихся. Как показало исследование, только у меньшинства самых бедных жителей являлись обладателями вышеупомянутых карточек.

Общий вывод таков. Гранты базового дохода могли бы стать важнейшей частью системы социальной защиты XXI века. Наступило важнейшее время в индийской социальной политике. Старомодный патернализм следует отвергнуть и создать вместо него новую прогрессивную систему социальной поддержки населения. ■

➤ Снижение уровня неравенства в Латинской Америке. Насколько значительно? Насколько устойчиво?

Хулиана Мартинес Франсони, Университет Коста-Рики, член ИК МСА по бедности, социальному обеспечению и социальной политике, и **Диего Санчес-Анкочеа**, Оксфорд, ВБ.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ПАТТЕРН НЕРАВЕНСТВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Латинская Америка традиционно является самым неблагополучным в отношении неравенства регионом. Наблюдается множество негативных последствий этого неравенства: дисфункциональная политика, могущественные элиты, социальная напряженность, трудности при попытках победить бедность. Однако за последнее десятилетие впервые стала доступна статистика по экономи-

ческому неравенству, которая показывает, что весь регион в целом и 12 из 18 стран показывают уменьшение разрыва между уровнями дохода богатых и бедных.

В чем причины этих беспрецедентных изменений? В политической жизни произошел так называемый «левый поворот». Вслед за демократическим переходом, осуществленным по большей части консервативными правительствами, во всем регио-

>>

не исполнительная власть перешла к прогрессивным партиям, а в законодательстве большинство мест заняли левые. Неудивительно, что левые правительства от Венесуэлы до Чили в центр политической повестки дня поместили распределение благ. Однако в таких странах, как Колумбия и Мексика, уровень неравенства снизился и при консервативной власти. Везде, по всем направлениям произошли политические перемены, отразившие массовое разочарование в неолиберальных идеях и несостоявшихся обещаниях роста формальных рабочих мест и ресурсов для реализации социальной политики (в основном направленной против бедности).

Множество новых правительств выиграло за счет благоприятных внешних условий. Китай покупает огромное количество ресурсов, чтобы финансировать свое «промышленное чудо». В связи с этим международные цены на такие товары, как газ, нефть, соя и мясо, переживают необыкновенный взлет, и экспорт Латинской Америки быстро растет. По сравнению с 2000-м годом, к 2009-му доход от латиноамериканского экспорта в Китай вырос в семь раз. Приумноженный доход можно было вкладывать в социальные программы.

Комбинация налоговых ресурсов и присутствия партий, верящих в активную роль государства в распределении, способствовала позитивным изменениям в положении трудящихся и социальной политике. Повысился уровень формального трудоустройства, а также средняя и минимальная заработная плата, расширился спектр действия социальных программ. В промежутке с 2008 до 2012 года Южная Америка преуспела в защите официальных рабочих мест и развитии социальных инвестиций, несмотря на один из худших мировых кризисов за последнее столетие. Более 100 миллионов людей получили денежные трансферты благодаря программам, связывающим на-

личные деньги и доступ к основным социальным службам, то есть благодаря кондициональным программам трансферта наличных средств.

Разумеется, в разных странах этот успех варьируется. Некоторые страны Южной Америки достигли большего, чем другие, в области социальных инвестиций массового создания рабочих мест и формализации трудовых соглашений. Бразилия показала впечатляющий результат усилий по формализации рабочих мест и увеличению минимальной заработной платы. С 2002 до 2012 года число бразильцев, принадлежащих к среднему классу, увеличилось с 69 миллионов (38% населения) до 104 миллионов (53%). Уругвай — единственная страна Латинской Америки, использующая коллективные торги для помощи широким слоям населения. В других странах очень успешно проводится экспансия социальной политики, однако не так хорошо обстоят дела с улучшением условий труда в целом. Интересно, что эта смешанная динамика наблюдается как в странах, где у власти находятся так называемые «хорошие», налогово-ответственные левые (например, Чили), так и там, где левый уклон обозначается как «плохой» и «популистский», например, в Боливии.

Эти позитивные сдвиги привели к тому, что некоторые заговорили о наступлении новой эры, выдвигая Латинскую Америку в качестве показательного примера для остального мира: ведь разрыв между богатыми и бедными сейчас только растет во всем мире, от Мадрида до Пекина. Однако мы не должны поддаваться чрезмерному оптимизму, и нужно принять во внимание существенные недостатки на пути, который недавно прошла Латинская Америка.

Во-первых, крупные достижения 2000-х в отношении труда и социальной защиты не полностью дошли до Центральной Америки, где живут более 80 мил-

лионов людей. Страны к северу от Панамы продолжают полагаться на экспорт рабочей силы, в основном в США. Уровень неравенства значительно снизился только в Сальвадоре (и даже там достоверность данных вызывает сомнения, поскольку трудно получить доступ к самым богатым и самым бедным в сообществах, где наблюдается массовое физическое насилие). Страны Центральной Америки борются за увеличение ВВП, ослабление влияния элиты, одновременно создавая достойные рабочие места и обеспечивая высокого качества социальное обслуживание.

Во-вторых, если говорить о регионе в целом, богатые продолжают контролировать большинство ресурсов и отказываются платить должную долю налогов. За несколькими исключениями, связанными с доходами от продажи нефти и газа в Боливии и Аргентине, налоговое перераспределение не затронуло корпоративную прибыль. Латиноамериканские фирмы в большинстве своем строятся на семейных связях и остаются такими же скупыми, как и раньше. Самая богатая верхушка Бразилии, вероятно, за последние годы сократила свои доходы. Однако управленцы высшего звена в Сан-Паулу сейчас зарабатывают в среднем 600 000 долларов в год — а это больше, чем в Нью-Йорке или Лондоне.

Последнее и самое критическое замечание: в целом прогресс в сфере экономической трансформации является недостаточным. Так же, как и сто лет назад, Латинская Америка поставляет сырье в обмен на промышленные товары с более высокой добавленной стоимостью. Это вызывает тревогу не только потому, что замедляет развитие официального трудоустройства и ставит прогресс в зависимость от Китая. Экономика, основанная на добыче ресурсов, представляет собой угрозу будущему планеты. ■

> Китай в Африке

Чинг Кван Ли, Университет Калифорнии, Лос Анжелес, США

Китайские управленцы и мастера в шахте Чамбиши с новым типом отбойного молотка. Фото Свена Торфинна.

Дорогой Майкл, привет из Китая!

Я провожу этнографическое полевое исследование в хорошо известном тебе месте — замбийской провинции Коппербелт. В этом месяце я живу на руднике Нкана. Местные жители говорят, что он когда-то назывался Рокана — так же, как тот рудник, где Вы проводили исследование для книги *The Colour of Class* 40 лет назад. Теперь я оказалась в том же самом месте! Как Вы, наверное, знаете, под давлением МВФ с 1997 Замбия вынуждена приватизировать медные рудники. Нкана была «связана» с шахтой Муфулира, а теперь продана легендарной и могущественной швейцарской товарной бирже Glencore. Сейчас эта горнодобывающая компания называется Morani Copper Mines.

Возможно, Вы жили в одном из бунгало, которые находились недалеко от шахты. Теперь в них располагаются офисы руководства, инженеров и геологов. Вдоль рудника стоят несколько многоэтажных домов, где шахтеры

живут с открытой канализацией, с коммунальным водопроводом, в основном без электричества. У меня сердце сжимается каждый раз, когда я вижу босоногих детей, бегающих по заваленным мусором и битыми пивными бутылками обочинам. Вероятно, Вы покинули Замбию как раз в мимолетный час надежды и веры в лучшее, после чего на четыре десятилетия она погрузилась в застой, или даже самоотторжение. Признаки экономического возрождения стали вновь появляться только с 2004 года, когда, подогретые огромным спросом в Китае и Индии, поднялись мировые цены на медь. Но и сейчас здесь повсюду безработица и бедность.

Первый раз я оказалась в Замбии пять лет назад, когда ездила в Африку по следам распространяющегося китайского капитализма. Как исследователь трудовых отношений в Китае с почти двадцатилетним стажем, я была заинтересована обилием критических сообщений в западных СМИ по поводу «китайской трудовой эксплуатации»: все эти истории не-

избежно заканчивались намеками на «китайский нео-колониализм». И действительно, в Коппербелте повсюду знаки китайского присутствия, извещающие об открытии Банка Китая, о реконструкции дорог при поддержке контрагентов, о постройке стадиона Ндолы в форме гладкого птичьего гнезда, об инфраструктуре новой Зоны экономического замбийско-китайского сотрудничества, основа которой была заложена китайскими государственными предприятиями Chambishi — медным рудником и медноперерабатывающим заводом.

Однако через некоторое время после приезда я поняла, что китайское присутствие — лишь частный случай притока международного капитала на Коппербелте. Konkola Copper Mines — самое большое медноперерабатывающее предприятие в этом регионе — принадлежит зарегистрированной в Лондоне транснациональной корпорации Vedanta индийского происхождения. Одна из крупней-

>>

ших рудодобывающих корпораций в мире, бразильская Vale, недавно приобрела замбийский рудник Лубамбе. А южноафриканская компания South African First Quantum Minerals Limited управляет самым прибыльным на данный момент открытым карьером на руднике Кансаши. Добавив к этому принадлежащий Швейцарии рудник Мопани, легко увидеть, как приватизация превращает Коппербелт в объект компаративной социологии. Передо мной загадка: в чем особенность китайского капиталистического присутствия в Африке? Я надеюсь, что два параллельных сравнения — китайских и не-китайских компаний и строительных и горнодобывающих предприятий — позволят мне определить интересы, возможности и практики китайских компаний, отличающие их именно как «китайские», а не просто «капиталистические».

Поверхностное сравнение способов, которые обеспечили Вам и мне доступ в поле, показывает, что за 40 лет, прошедшие между нашими проектами, экономическая политика Замбии претерпела кардинальные изменения. Сейчас, как и ранее, иностранные капиталисты — мощные игроки. Я всегда представляла себе их как закрытые королевства, защищенные многократными проверками служб безопасности и претензиями на обладание внутрикорпоративной информацией. Вы прорвались в этот мир с помощью личных связей и стали сотрудником кадрового агентства, обслуживающего две рудодобывающие компании одновременно: Anglo American Corporation и Roan Selection Trust. Я попробовала последовать вашему примеру, но мое собеседование с секретарем Коммунистической партии Китая на китайском заводе закончилось катастрофой. Политработник поступил как управленец XXI века — он «загуглил» мое имя — и в ужасе увидел мои работы, посвященные забастовкам в Китае и Замбии. Он прочел мне лекцию о том, что мировой дискурс «борьбы Китая за Африку» — лишь очередная попытка империалистического Запада унизить Китай, и выставил меня за дверь. У меня не было иного выбора, кроме как «переметнуться» на другую сторону. Мне повезло. Всем полевым работникам должно в какой-то момент везти — я подружилась с политиком из замбийской оппозиции, заинтересовавшимся одной из моих работ о Китае в Замбии. Он утешил меня после этого не-

Замбийские рабочие и китайский босс. Фото Свена Торфинна.

удачного собеседования и сказал: «Подожди, пока мы придем к власти». Я стала ждать — и его партия выиграла выборы 2011 года! Став вице-президентом республики, он собрал гендиректоров крупнейших медных предприятий и представил меня им как Советника Правительства Замбии.

Этот эпизод подчеркивает, возможно, радикальную перемену интересов африканского государства и владельцев мультинациональных рудников. Он напоминает мне о необходимости воспринимать всерьез интересы и действия замбийского государства и не считать что оно беспомощно. Под влиянием Франца Фанона в книге *The Colour of Class* Вы доказывали, что политическая независимость без структурных изменений в экономике не может привести к возникновению автономного национального государства или эффективного национального буржуазного класса. Однако с 1991 года однопартийный режим Первой республики Замбии сменился конкурентной многопартийной системой. Одновременно Всемирный банк совместно с МВФ внедрила в Замбии программу приватизации и структурной перестройки. Двадцать лет неолиберализма настолько обострили массовое недовольство постоянной бедностью и неравенством, что политические партии были вынуждены применить жесткие меры по отношению к иностранным рудникам. В последние годы, к полному ужасу меднодобывающих компаний, правительство Замбии ввело на-

логи на прибыль (позже они были отменены), в одностороннем порядке аннулировала Соглашения о разработках, заключенные для приватизации рудников, удвоила ставку роялти на разработку месторождений и в данный момент готовит технократов для проведения судебного аудита на рудниках. Свое исследование я воспринимаю как вклад в эту попытку государства сделать медные предприятия финансово и социологически прозрачными. Разумеется, политикам проще оставаться на волне «ресурсного национализма» — национализма, обеспечивающего политическую поддержку путем распределения доходов от добычи, — чем совершенствовать качества государства, которые могли бы стимулировать развитие. Работа с правительством Замбии и внутри него лишь выводит эту печальную проблему на поверхность.

Каким образом будут китайские и не-китайские зарубежные инвесторы перемещаться по новой африканской реальности и организовывать ее? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется написать книгу, а не приветственное письмо. Это — лишь пролог к глобальному диалогу будущего. ■

> Под натиском волн

Жизнь и работа современного моряка

Хелен Сэмпсон, Кардиффский университет, Великобритания, член Исследовательского комитета МСА по социологии труда (RC30)

*Мигель - филиппинский матрос
- на бесконечной вахте под палящим
мексиканским солнцем.
Фото Хелен Сэмпсон.*

На корме корабля сидит моряк. Жарит горячее мексиканское солнце. Оно настолько жаркое, что, кажется, воздух потрескивает. Моряк находится на швартовочном посту и ждет инструкций по УКВ-радио. Он здесь уже два часа, но уйти не может. Он не может спрятаться в тень, и ему нечего пить. Он не знает, сколько ему еще придется прождать. Корабль — танкер — стоит в порту Мехико, и его отправление задерживается. Лоцман уже на борту и ждет указаний, чтобы вывести судно в открытое море. Капитан и штурманы на мостике. Однако ничего не происходит. Заграничное судно село на мель на подходе к порту, и корабль ждет разрешения отчалить. У моряка пересохло в горле. Он устал, ему плохо, но жаловаться он не будет.

Я познакомилась с этим моряком, когда проводила включенное наблюдение на кораблях в море¹ – исследование, финансируемое Британским советом

>>

по экономическим и социальным исследованиям в Международном центре исследований морского дела (SIRC) в Кардиффском университете. Моряка звали Мигель², и вместе с ним и его командой я путешествовала на танкере, построенном двадцать лет назад в Японии. По современным стандартам это сравнительно маленький танкер — всего 40 500 тонн, 179 метров в длину и 30 метров в ширину. Все моряки на борту — мужчины из пяти разных стран. Трое офицеров были из Хорватии, Пакистана и Бангладеш. «Рядовые» — матросы — выходцы с Филиппин, механики были турками.

Мигель — филиппинский матрос. Согласно субординации, он рядовой, но не самого низкого ранга (то есть не «матрос 2-го класса» и не «стюард»). Мигель и другие филиппинцы на этом корабле работали на основании 9-месячного контракта с агентством, подбирающим персонал для судоходных предприятий. Если бы Мигель стал жаловаться, его бы отправили домой. Он боялся, что если его отправят домой, манильские крьюинговые агенты занесут его в черный список, и он больше никогда не сможет работать в море. И тогда не будет достроен новый дом для его семьи, его родители не смогут получить медицинскую помощь, а дети не получат то образование, которое бы ему хотелось. Двоюродные сестры, тетки и дядья — все они зависят от долларов, выплачиваемых Мигелю, а на суше нет возможностей заработать хотя бы приблизительно столько же,

сколько он зарабатывает в море. Он даже и не думал жаловаться.

Вся жизнь моряка заключается в работе. «Вахтенные офицеры» работают семь дней в неделю в течение всего контракта. Один из моряков рассказывает: «Моя работа очень утомительная, очень тяжелая...365 дней на борту, каждый день работа, каждый день работа». Иногда, когда корабль находится далеко от берега, моряки, свободные от вахты, могут отдохнуть в воскресенье. На некоторых кораблях можно организовать барбекю. Но на большинстве судов воскресенье не отличается от остальных дней ничем, кроме нескольких часов отдыха. В порту ничто не перебивает ритм работы, какое бы ни было время суток или день недели. Судно зарабатывает деньги только если постоянно находится в движении. Эффективное судно заходит в порт и выходит из него всего через несколько часов, загружая и выгружая груз настолько быстро, что у моряков редко остается время выйти на берег. Многие описывают корабль как тюрьму, но в этой тюрьме платят, а в развивающихся странах есть множество людей, которые могут пожертвовать семейной жизнью, друзьями и собственными желаниями ради регулярную работу в уважаемых международных компаниях. Как объяснил один моряк: «Жить на корабле очень одиноко...Я скучаю по детям, трудно работать на суше, очень трудно».

Однако для большого числа моряков цена работы в море оказывается ещё выше. Морское дело — опасное занятие. В ноябре 2011 года небольшой сухогруз разломился на две части у берегов Северного Уэльса, и шесть из восьми моряков на борту погибли. Один из выживших рассказывал: «Он разломился пополам ровно посередине. Я это собственными глазами видел...бесполезно было спасти посудину». Такие случаи — не редкость. В 2010 году примерно один из каждых 670 судов терпел крушение. Существуют также риски, связанные с характером работы на корабле: травмы позвоночника, разбитые пальцы, переломы костей, повреждения глаз, риски, связанные с грузом и тяжелой техникой, а также риски отравления вредными испарениями.

Кроме того, беспокойство вызывает психическое здоровье моряков, живущих на одном судне в течение нескольких месяцев подряд. Скорее всего, они работают бок о бок с уроженцами других стран и общаются на неродном языке (в основном по-английски). Вероятно, они редко выходят на связь с семьей, их плохо кормят, и они живут в стесненных условиях. Более того, у них мало шансов избежать постоянного наблюдения со стороны начальства. Жизнь в море подчиняется строгой иерархии, действующей днем и ночью, на работе и в неслужебное время. Нет никакого спасения и очень мало возможности для передышки. ■

¹ См. Sampson, H. (2013) *International Seafarers and Transnationalism in the Twenty-First Century*. Manchester: Manchester University Press.

² Мигель - псевдоним, который используется для сохранения конфиденциальности моряков, участвующих в нашем исследовании.

> Пуэрто-Рико: остров массовой резни?

Хорхе Джованнетти, Университет Пуэрто-Рико, Сан Хуан, Пуэрто-Рико.

«Массовое убийство по-пуэрториканские – четверо убитых.»

В 2012 году в Пуэрто-Рико произошло десять массовых убийств, которые обозначаются термином резня. К маю 2013 года новостные агентства, считающие число преступлений, насчитали шесть таких случаев на этой карибской территории США с населением 3.7 миллиона человек.

Хотя в 2011 году это полуавтономное государство заняло нелестную позицию во Всемирном рейтинге убийств, выпущенном ООН, а уровень убийств в стране достиг таких масштабов, что попал в заголовки Нью-Йорк Таймс, однако тот факт, что за шестнадцать месяцев произошло шестнадцать случаев резни, не получил международного освещения. Хотя я не считаю, что статистика насилия должна быть критерием международного признания острова, меня поражает, что одно мас-

совое убийство в кинотеатре в Колорадо привлекает больше внимания СМИ, чем остров, где подобное происходит буквально каждый месяц.

Несмотря на то, что международные новости испытывают болезненный интерес к проявлениям насилия, события в Пуэрто-Рико не попадают на первые полосы. СМИ фокусируются на единичных случаях и на Западе, забывая об остальном мире. Но другая причина, по которой эта шокирующая череда массовых убийств не привлекла внимания со стороны журналистов и социологов, может объясняться двумя обстоятельствами: цифрами и наименованиями событий. Для того чтобы инцидент был назван «массовым убийством» или «резней», пуэрто-риканским СМИ достаточно, чтобы его жертвами стали всего три человека.

На локальном уровне практика маркиро-

>>

вания убийства трех человек как массового или «резни», казалось бы, не подвергается никакой критике, поскольку соответствует полицейскому стандарту категоризации инцидентов. Однако, когда некий полицейский инспектор назвал один из случаев «инцидентом с несколькими жертвами» без использования слова «резня», местные криминологи упрекнули его. Один профессор криминологии объясняет: «Термин массовое убийство применяется в отношении случаев с тремя и более жертвами по традиции или в соответствии с местными нормами».

Однако в международной компаративистике, или когда пуэрто-риканские СМИ рассказывают о случаях массовой резни в других местах, «местное» использование термина может быть проблематичным. Например, пуэрто-риканские газеты писали «РЕЗНЯ» заглавными буквами на первой полосе применительно к двум качественно разным случаям: первый произошел в Пуэрто-Рико и заключался в убийстве четырех человек в автомобильной перестрелке, второй – в Норвегии, когда Андерс Брейвик убил 69 человек. Очевидно, что представление разных типов насилия под одним и тем же именем предотвращает правильное понимание обоих инцидентов, а также насилия в целом.

Жак Семелин, пишущий о феномене резни (или массового убийства), утверждает, что «социология слишком долго пренебрегала этой областью исследований, оставляя ее на усмотрение историков». Действительно, историки и исторические психологи внесли значительный вклад в наше понимание коллективного насилия, однако в центре их внимания был феномен геноцида. Социологическая литература по теме включает работы Чарльза Тилли, посвященные типам коллективного насилия, но не рассматривающие феномен резни или массового убийства. Вольфганг Софски и Семелин выделили определенные параметры, наличие которых свидетельствует о том, что событие можно квалифицировать как резню. Массовому убийству было дано следующее определение: «форма действия, которая по большей части имеет коллективный характер и нацелена на уничтожение гражданских лиц». Однако никто не уточняет, сколько человек должно погибнуть, чтобы убийство считалось массовой резней. Определение, в соответствии с которым массовое убийство предполагает уничтожение «трех и более человек», принадлежит Гватемальской комиссии по правам человека, но оно содержит и другие необходимые характеристики (а именно, намеренное уничтожение противника, внушение страха, жестокое и унижительное обращение с жертвами, а также систематическую жестокость)

Мы вернулись туда, откуда начинали. Мы не можем определить, являются ли пуэрто-риканские убийства трех человек на самом деле резней. Если опираться на упомянутые выше определения и рассматривать резню как часть геноцида (тотального уничтожения), как это делает Семелин, то концептуализация этого феномена должна включать преднамеренность в отношении применения наси-

лия и в отношении его жертв – независимо от того, рассматриваем мы убийство трех человек в Пуэрто-Рико или несколько десятков жертв в любой точке мира. Подпадает ли под критерий массового убийства или резни перестрелка между владельцами авто, принадлежащими к конфликтующим наркогруппировкам? Ставил ли Брейвик перед собой цель тотального уничтожения членов Норвежской трудовой партии? Нацеливался ли Адам Ланза на определенную группу (этническую или другую) в начальной школе в Коннектикуте?

Социологам несомненно необходимо провести более глубокий анализ обширного пространства между индивидуальными актами насилия и геноцидом, так как именно на этой территории занимает определенное место резня как социальный феномен. Некоторые считают, что неважно как назвать событие – резней или как либо иначе – если мы знаем, что именно произошло в результате конкретного инцидента коллективного насилия со смертельным исходом (например, убийства 2012 года в деревне Хула в Сирии). Однако, мы можем знать, что конкретно произошло, но не понимать, почему и как это стало возможным. Нельзя выходить из этой проблемной для понимания ситуации, легкомысленно называя инцидент первым попавшимся словом из каталога немыслимых актов насилия.

Более того, если мы опираемся на идею Пьера Бурдьё о том, что, называя вещи, мы создаем их, мы можем прийти к выводу, что – как минимум в Пуэрто-Рико – резня будет определяться исключительно по количественному критерию (три жертвы или более) без учета других важных социологических параметров. Это вполне возможно. В последние годы в Пуэрто-Рико развернулся глубокий дебат о смертной казни, спровоцированный уголовным процессом против убийцы, устроившего массовую резню в 2009 году. Местный политик выступил с официальным заявлением в защиту смертной казни как необходимой меры в отношении для «авторов резни», имея в виду, как мы полагаем пуэрто-риканское определение этого феномена. Возможно, скоро на острове пройдет другой процесс в отношении массового убийства, и в рамках этого процесса начнет обсуждаться само определение термина. «Легальный дискурс, – утверждает Бурдьё, – это креативная речь, которая порождает то, что она называет». Когда благодаря СМИ или усилиям некоторых политиков массовая резня юридически определяется как любое убийство трех человек, а преступники могут приговариваться к смертной казни, то возможно пришло время социологам выработать более детальную концептуализацию массовых убийств и резни. ■

> Реальные барьеры

на пути диалога между странами Глобального Юга

Элиана Каймовиц, Центр исследований права, юстиции и общества (Dejusticia), Богота, Колумбия

35

Иллюстрация Арбу.

Представьте себе, что вы правозащитник из маленького городка в Южной Америке. Вы пытаетесь заставить европейскую горнодобывающую компанию перестать загрязнять питьевую воду там, где вы живете. Недавно Вы услышали, что правозащитнице в Африке удалось добиться того, к чему стремитесь и Вы: эта же компания больше не загрязняет воду в ее родном городе. В идеале, Вы могли бы связаться с ней, позвонить или

>>

отправить письмо по электронной почте, а еще лучше – встретиться лично. Для обмена информацией нет ничего лучше, чем личная встреча. Вам может показаться, что если два активиста-правозащитника хотят очно обсудить интересующие их темы, они могут просто купить билет на самолет, встретиться и предаться долгим разговорам. Быть может, это действительно так, если активисты живут в Северной Америке или Европе. На Глобальном Юге дела обстоят иначе.

Удивительным образом, в наш век глобализации и бесконечных потоков информации из разнообразных источников, двум людям с Глобального Юга потребуется потратить невероятное количество усилий, денег и времени для того, чтобы встретиться. В некоторых случаях эти препятствия поистине начинают казаться непреодолимыми. Даже когда дорога оплачена, жителям Глобального Юга необходимы визы для транзита через страны Глобального Севера, так как большинство мировых транспортных узлов авиакомпаний находятся в Европе или США. Помимо этого, потребуется оформить и визу в страну назначения. Для таких людей табличка «Необходима виза» подчас эквивалентна знаку «Не входите».

Исследователи правозащитного исследовательского центра DeJusticia, находящегося в г. Богота в Колумбии (и я в их числе), не раз сталкивались с такой плачевной ситуацией. Наш глобальный проект по лидерству в сфере прав человека (Global Human Rights Leadership project) нацелен на то, чтобы создать благоприятные условия для диалога «Юга с Югом», то есть диалога между исследователями и активистами стран, находящихся на Глобальном Юге. И хотя мы можем сказать, что добились некоторых успехов, мы также вынуждены отметить, что наши планы часто омрачались жестким процессом получения визы, безжалостным по отношению ко времени и деньгам, затрачиваемым на заполнение бланков и подачу заявлений, необходимых для получения разрешения на то, чтобы внести свою лепту в мировой обмен информацией. Очевидно, в вопросе сравнения информационных обменов представителей Севера и представителей Юга не может быть и речи о равных возможностях и единых правилах игры.

Успешное взаимодействие между кенийским и колумбийским Конституционными судами произошел в Боготе в феврале 2013 года и показал нам, каким полезным может быть обмен в пределах Глобального Юга. Этот обмен был плодотворным, так как у обеих стран за плечами похожая история насилия, этнических и политических волнений, укоренившейся нищеты. Юристы из США и Колумбии, например, не могли бы разговаривать на эти темы в близкой перспективе. Однако американский судья может с легкостью сесть на прямой рейс «Майами – Богота», и если ему вздумается остановиться по пути в Панаме, ему не понадобится никакая транзитная виза. Кенийским судьям пришлось лететь либо через Евросоюз, либо через США, и в обоих случаях им была необходима транзитная виза.

Совсем недавно наш центр организовал недельный семинар для молодых правозащитников

| Диалог Юга с Югом!

Глобального Юга. Организаторы ставили перед собой цель пригласить представителей горнодобывающих компаний в Колумбию для встречи с социологами, чтобы улучшить исследовательские и коммуникативные навыки последних. После длительного и кропотливого процесса отбора кандидатов, мы пригласили шестнадцать участников из Латинской Америки, Африки и Азии. Но перед тем как приехать к нам, они столкнулись с массой визовых трудностей. Участнице из Уганды понадобилась колумбийская виза, и она подала на нее в Великобритании, так как в Уганде нет колумбийского посольства, а у нее уже была британская виза. Нашему участнику из Папуа Новой Гвинеи пришлось лететь в столицу своей страны, чтобы там получить австралийскую визу. Затем он полетел в Сидней, где получил транзитную визу США, после чего провел в пути 24 часа, полетев в Колумбию через Нью-Йорк. Очевидно, ни правительства, ни авиакомпании не понимают, как важен обмен между странами Глобального Юга!

Что происходит, когда у организаций из Глобального Юга нет времени, денег или навыков для успешного получения визы и перелетов в страну назначения? Какая информация не достигает адресатов из-за такого рода препятствий? И Юг, и Север должны начать серьезно относиться к поискам ответа на эти вопросы. Север должен избавиться от требования транзитных виз – таким образом, он облегчит поток международной информации. Югу же необходимо начать размышлять над тем, как мы коллективно могли бы сломать мешающие нам барьеры между нами и остальным миром. Первым шагом могла бы быть отмена виз между странами Глобального Юга, или хотя бы введение безвизового режима для исследователей и активистов. В противном случае мы так и будем продолжать пропускать возможности поучиться у коллег тому, как решить проблемы в своих странах. ■

> Медленно, но верно: развитие социологии в Албании

Леке Соколи, Албанский институт социологии, Тирана, Албания, член исследовательских комитетов МСА по компаративистской социологии (ИК20) и социологии миграций (ИК 31).

Пленарное заседание 6-й Международной конференции Албанского Института социологии: "Образование в неспокойные времена: Албания в европейском и глобальном контекстах," Ноябрь, 2012 г. 21-22, 2011.

За последние два десятилетия в Албании произошли резкие и многоуровневые трансформации. В экономическом плане мы отошли от централизованной экономики, в которой государство было единственным работодателем и единственным владельцем, и перешли к либерализованной, но хаотичной экономике. В политическом плане мы ушли от сталинистского авторитарного режима и пришли к проблематичной демократии. В социальном плане мы оставили в прошлом «равное распределение бедности», получив невероятно резкое социальное неравенство, более масштабное, чем где-либо еще в Восточной Европе. Албания превратилась в лабораторию по изучению быстрых общественных изменений и связанных с ними социальных проблем, а также международной миграции, ко-

торую на себе испытала половина населения Албании (35% - постоянную, 15% - временную) лишь за два десятилетия.

Пост-коммунистические трансформации в Албании также принесли с собой первую волну социологии. В большинстве восточно-европейских стран всегда присутствовала какая-то социологическая традиция, даже при самом жестком коммунистическом правлении. В Албании, напротив, социология в принципе была запрещена в университетах. В Университете Тираны никогда не было факультета социологии, а среди 40 институтов Академии наук Албании не было института социологии. Марксизм-ленинизм считался истиной последней инстанции, монополией Трудовой (коммунистической) партии, обладавшей неприкосновенностью и не подвергавшейся критике.

Эта идеология не обращалась к практическому опыту при концептуализации социальных проблем. Классические школы мысли, в том числе экзистенциализм, фрейдистская психология, структурализм и феноменология были в принципе запрещены, как и работы Платона, Аристотеля, Гегеля, Достоевского, Сартра и так далее. Имена известных западных социальных теоретиков – Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, Парето, Поппера, Милля, Парсонса и Мертона – на значили для нас ровным счетом ничего.

Война с социологией считалась частью так называемой классовой борьбы. Именно этот тезис сформулирован в издании «Социальная и политическая мысль в Албании», «престижной книге», выпущенной в 1985 году Академией наук, лишь за четыре года до падения Берлинской сте-

>>

ны:
Французский социолог Огюст Конт – создатель буржуазной социологии. Позитивистская социология Конта возникла как противовес марксизму, чтобы загладить противоречия между пролетариатом и буржуазией и саботировать разгоравшуюся классовую борьбу...

В этой монографии, как и в других изданиях того времени, социология рассматривалась как буржуазная, расистская, антигуманистическая, империалистическая наука. До 1990 года все социологи мира считались опасными, каждая школа социальной мысли была запрещена, кроме местной «албанской версии» марксизма. «Новый курс» в отношении социологии был принят только после смерти албанского диктатора, Энвера Ходжи, в 1986 году. В своей речи на XI Конгрессе Коммунистической партии Албании, известном как «Конгрессе преемственности», новый албанский лидер Р. Алия впервые в официальной обстановке упомянул социологию как одну из социальных наук, сказав:

Приоритет технических и естественных наук не должен исключать роль экономических, философских, социологических и юридических наук – иными словами, социальных наук – при рассмотрении современных проблем социалистического строительства и идеологической войны.

Так открылась дорога к развитию социологии, хотя она и сопровождалась рядом жестких условий. Социология должна была: 1) ссылаться только на оригинальный албанский опыт; 2) быть воинствующей социологией, служащей строительству социализма и идеологической войне; 3) быть марксистско-ленинской наукой, основанной исключительно на марксистско-ленинских текстах.

На основании выше перечисленного мы видим, что очевидно, социология могла развиваться, но только преодолев множество трудностей и только после развала коммунизма. Первый шаг к институционализации социологии состоял в создании

Албанской социологической ассоциации накануне «Великой трансформации» в ноябре 1990 года. Но эта организация вскоре доказала свою некомпетентность и неспособность к работе – в первую очередь потому, что ее основатели были слишком разными: среди них были философы, демографы, юристы, историки, врачи, журналисты, художники, даже архитекторы. Во-вторых, ассоциация развалилась из-за внешнего политического вмешательства.

Вторая попытка институционализировать социологию в Албании произошла с основанием в сентябре 1991 года отдельного Факультета философии и социологии в Университете Тираны. Но уже через год после основания факультет был распущен по распоряжению нового демократического правительства, пришедшего к власти по результатам выборов марта 1992 года, что четко отразило политическую природу «демократической» оппозиции социологии.

В 1998 году, двое из когорты первых албанских социологов (Тарифа и я), находясь в США, основали первый международный журнал албанских социологов «Социологический анализ». Это был критический период в современной албанской истории, характеризующийся социальными волнениями, политическими потрясениями, экономическим упадком – время полного коллапса общественного устройства.

После множества подъемов и спадов, череды трудностей, в 2006 году, наконец, была основана Социологическая ассоциация Албании, с новым именем: Албанский институт социологии. С 16 апреля 2007 года Институт является регулярным коллективным членом МСА, а с октября 2008 года – членом Европейской социологической ассоциации. По инициативе института и при поддержке МСА в ноябре 2011 года в Тиране был основан Балканский социологический форум.

После основания Албанского института социологии социология в стране пошла в гору: открылся первый факультет, а затем последовали и другие. Теперь

многие албанские университеты выпускают специалистов-социологов с дипломами бакалавра, магистра и даже почившие степень PhD. С 2009 года албанское правительство включило социологию в государственный список профессий. Она преподается во всех школах и университетах, а значительное число исследовательских центров проводят социологические исследования.

Со времени первой встречи, на которой присутствовали 35 основателей, членство Албанского социологического института выросло в 7-8 раз. В то время как на первой нашей конференции в 2007 году было представлено лишь 12 работ, на седьмой конференции во Влоре в 2012 году 587 авторов из 22 стран представили 410 работ. У нас есть доступ к обширной библиографии социологических текстов на албанском, а также несколько академических журналов: «Социальные исследования», «Социологический анализ», «Социологическая линза».

Хотя «социологический транзит» прошел успешно, мы стоим перед новыми трудностями. Необходимо создать новую демократичную, эффективную Албанскую социологическую ассоциацию, которая включит всех албанских социологов. Следует также продолжить организацию ежегодных конференций и форумов, расширить кооперацию с социологами без границ, а также медленно усиливать влияние социологии на албанское и балканское общества. Ясно одно: социология призвана сыграть важную роль в решении проблем, с которыми столкнулась наша великая маленькая страна. ■

> Беспокойное время: третья конференция национальных ассоциаций МСА

Айсе Идиль Айбарс, Ближневосточный технический университет, Турция.

После утомительного дня докладов, презентаций и обсуждения, участники конференции танцуют турецкие танцы. Все в экстазе.

Третья конференция Совета национальных ассоциаций МСА прошла в Ближневосточном техническом университете (METU) в Анкаре (Турция) 12 – 17 мая 2013 года. Конференция была организована совместными усилиями МСА и Факультета социологии Ближневосточного технического университета, Турецкой ассоциации социальных наук и Социо-

логической ассоциации Турции. Тема конференции была следующей: «Социология в смутное время: компаративистские подходы». В конференции участвовали представители национальных социологических ассоциаций со всего мира.

Как координатору Местного организационного комитета, мне выпала честь провести первое крупное собрание ассо-

>>

циации в Анкаре. Положа руку на сердце, я могу сказать, что организация конференции оказалась крайне интересным и поучительным опытом, занявшим более чем один год, в течение которого осуществлялась кооперация с незаменимыми и мудрыми членами МСА, поддерживались связи с безмерным числом экспертов, администраторов, представителей организаций-спонсоров и фондов, прекрасных коллег из Турции и не только. Безусловно, мы старались, как могли, чтобы обеспечить всех возможностью узнать о турецкой культуре, истории, еде, музыке, танцах – все (конечно же!) с социологической точки зрения.

Тема конференции оказалась крайне актуальной, как подтвердили события в Турции, случившиеся сразу после окончания конференции. Здесь, в Турции, «беспорядки» были вызваны стремлением молодежи защитить деревья в парке в центре Стамбула. Они превратились в общенациональный протест против попыток нынешнего правительства регулировать стиль жизни граждан. Это столкновение заставляет нас, турецких социологов, проводить много времени в попытках

понять, каким образом эти события скажутся на обществе, социальном и политическом участии, на будущем демократии, фундаментальных правах и свободах, роли масс-медиа в обществе и так далее. (См. также в этом выпуске ГД: статьи Зейнеп Байкал и Незине Ашак Эргин; Полата Альпмана).

Случайно получилось так, что конференция обеспечила нас социологическим анализом схожих событий в США - а именно движения «Occupy Wall Street», - показав горизонты социологической интерпретации массовых протестов и их влияния на социальную, экономическую и политическую обстановку. Программа конференции свела вместе уникальный опыт социологов со всех континентов, испытывающих значительные глобальные трансформации и кризисы уже в течение двух десятилетий. Сравнение разных форм трансформаций и их влияния на экономическую, политическую и социальную сферы отдельных стран оказалось информативным, непростым, ценным обучающим упражнением. В результате нам стало очевидно, что крайне необходимо разрабо-

тать инновационные подходы для понимания нового социального ландшафта.

Конференция еще раз показала, что социология, возникшая два века назад в контексте социальных волнений, навсегда изменивших мир, проложивших дорогу так называемому «современному обществу» - продолжает отвечать широкому спектру социальных вызовов. Работы выдающихся социологов из разных национальных контекстов показали, что критический и креативный взгляд социолога сегодня представляет собой ту позицию, которая позволяет извлекать уроки из этих беспокойных дней.

От имени Местного организационного комитета разрешите мне выразить благодарность всем участникам конференции за их ценный академический вклад, а также Исполнительному комитету МСА за поддержку и руководство, которые помогли обеспечить слаженную организацию этого форума. ■

> Молодые и маститые социологи встречаются в Йокогаме

Мари Шиба, Университет Нагоя, член Исследовательского комитета МСА по социологии миграции (ИК 31), **Киоко Томинага**, Университет Токио, **Куисукэ Мори**, Университет Хитоцубаси, **Нориз Фукуи**, Университет Кёсю

Участники пред-конгрессной конференции в Йокогаме за год до Всемирного конгресса (13-19 июля 2014), который обещает быть представительным и очень интересным.

Профессора Коичи Хасегава, Сюдзиро Ядзава, Йошимичи Сато и Савака Сирихасэ составляют ядро Местного организационного комитета Всемирного социологического конгресса, который состоится в Йокогаме 13-19 июля следующего года. Ровно за год до конгресса они организовали интересную «предварительную» конференцию. Цель заключалась в том, чтобы собрать вместе известнейших ученых всего мира – профессоров Маргарет Абрахам из США, Эмму Поррио с Филиппин и Хан Санг-Дзин из Южной Кореи – и содействовать их диалогу с молодыми японскими социологами. Вот что сказали юные социологи:

Мари Шиба: Я выступила с работой «Взаимное уважение, ответственность и диалог с окружающими внутри нас: исследование детей, усыновленных иностранцами, их прошлого, настоящего и будущего». Моя презентация поднимала вопрос культурного эссенциализма в рамках политики мультикультурализ-

>>

ма. Меня особенно интересует роль «медиаторов» между сообществами меньшинств и большинства, которые могут выстраивать то, что можно назвать «дружественными отношениями», то есть нечто большее, чем простое мультикультурное сосуществование. Как студентка магистратуры, посетившая предыдущий конгресс в Готенбурге и участвовавшая во Втором Форуме в Буэнос-Айресе, я могу сказать, что этот опыт обеспечил меня новой сетью друзей и коллег. Я очень советую молодым социологам, где бы они ни были, приехать в красивый город Йокогама в следующем году, чтобы поделиться исследовательскими находками и наметить общий путь к более яркому будущему для нашего мира!

Киоко Томинага:

Я представлял работу по теме «Как активисты соединяют слабые связи? В чем заключается их «чувство сообщества»? Протест против Большой Восьмерки как возможность построения активистских сетей». Я анализирую антиглобалистское движение и движение за глобальную справедливость в Японии. Я понимаю, что такие движения существуют во многих странах, однако им свойственны особенные тактики, особое содержание, организационные стили, и это делает их не только глобальными, но также национальными и локальными. Дискуссии на конференции помогли мне более четко осознать сильные и слабые стороны японского движения за глобальную справедливость, а также ограничения моей собственной исследовательской рамки.

Кейсукэ Мори:

Я был очень доволен тем, что мне представилась возможность выступить со своей работой «Присоединяясь к проекту третьего мира: генеалогия движения против военных баз на острове Окинава в глобальной перспективе». Я стараюсь соединить историю

Окинавы после Второй мировой войны с историей людей всего мира, анализирую общую борьбу с военными базами. Присутствие выдающихся гостей с разнообразными исследовательскими интересами помогло мне понять, какое место занимает мое исследование в глобальном масштабе.

Нориэ Фукуи:

Представленная мною работа называется «Память и репрезентация в постконфликтной Северной Ирландии». Мое исследование посвящено настенным изображениям в Северной Ирландии, показывающим, каким образом два соседствующих городских сообщества выражают враждебность или сочувствие по отношению друг к другу. Хотя в фокусе моего интереса - Северная Ирландия, я обнаружила, что у меня много общего с другими исследователями, которые помогли мне понять, как мои наработки можно применить в азиатском контексте. Я надеюсь, что и Конгресс в Йокогаме будет также полезен для меня.

Нам хотелось бы в заключение привести слова Маргарет Абрахам, вице-председателя МСА по исследовательской работе. Она пишет: «Приглашенные были поражены широким диапазоном тем, которыми занимаются молодые социологи, и их знанием мировых социальных процессов. Было также крайне приятно видеть, как Местный организационный комитет продолжил начатую на форуме 2012 года в Буэнос-Айресе традицию поощрения диалога между молодыми и опытными учеными. И, наконец, позвольте мне сказать, что Йокогама – действительно великолепное место, гостеприимство, кухня, суши были просто восхитительны! XVIII Социологический Конгресс в Йокогаме соберет тысячи социологов со всей планеты и, я уверена, дискуссии будут плодотворными и интересными!» ■

> Испаноязычная команда Глобального диалога

Университет Розарио, Богота, Колумбия

Мария Хозе Альварес Ривадумла, член исследовательского комитета по региональному и городскому развитию (ИК 21)

Махо – доцент социологии в Университете Розарио в Колумбии. Родилась в Монтевидео (Уругвай), PhD по социологии Питтсбургского университета, Пять лет живет в Колумбии. Ее интересует городское неравенство, в особенности такие вопросы, как привилегии, маргинальность и их пространственные конфигурации. Она изучала поселения сквоттеров, их организацию и клиентелистские сети в Монтевидео. Она также писала о закрытых сообществах, жилищной сегрегации, облагораживании трущоб через такие мегапроекты, как, например, строительство фуникулеров. Сейчас она работает над новым проектом, в котором сравнивает субъективное неравенство в разных латиноамериканских странах. Она участвует в работе над испано-язычной редакцией «Глобального диалога» с того момента, как Майкл Буравой впервые посетил Колумбию в 2011 году и уговорил ее сделать это. «Майклу невозможно отказать», - шутит она.

Андрес Кастро Араухо

Андрес в настоящее время изучает социологию в Университете Розарио. Его интересует экономическая социология (а более конкретно – работа, организации, профессии) и культурная социология – особенно роль экспертного знания в обществе. Его нынешнее исследовательская деятельность связана с пересечением рынков, класса и моральных категорий. Он также входит в команду переводчиков с того момента с 2011 года

Себастьян Вилламизар Сантамария

Себастьян закончил факультет социологии в Университете Розарио в 2011 году. В его исследовательские интересы входит взаимодействие класса, потребления и городских пространств, что привело его к получению MA по географии в Университете Анд, где он изучает жилищную сегрегацию в Боготе. Помимо своей магистратуры, Себастьян работает ассистентом преподавателя в Университете Розарио вместе с Марией Хозе, а также является научным сотрудником в правозащитном центре Dejusticia в Боготе. Он работает в команде переводчиков ГД с того момента, как этот проект переместился в Колумбию в 2011 году.

Катерине Гайтан Сантамария

Кати только что закончила факультет социологии в Университете Розарио в Боготе, Колумбия. Ее основной исследовательский интерес лежит в области общественных движений, гендера, а также его пересечения с классом и этничностью. Она в настоящее время является членом коллектива в Боготе, который пропагандирует общественную мобилизацию и активизм среди молодежи, защищая ее от произвольного насилия местных представителей власти, особенно в беднейших сообществах. Она также занимается проектом общественного участия под эгидой Фонда Конрада Аденауэра в Казуке, Соаче, крайне бедном муниципалитете рядом с городом Богота. Проект нацелен на решение главных социальных проблем. Она собирается продолжить обучение и уже начала обучение в рамках междисциплинарной магистерской программы по социальным исследованиям в Университете Розарио. Помимо этого, она планирует и далее работать в области социальной интервенции в Колумбии.